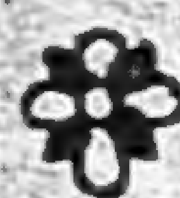
№ 14. 181/23 Цѣна 10 ко

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

Аракчеевщина.

В. Кайгородова.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ДѢЛО"

№ 44. ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА. № 44.

АРАКЧЕЕВЩИНА.

В. Кайгородова.

Москва.
Книгоиздательство „ДѢЛО“.
1912 г.

МОСКВА,
Тип. Т-го Дома „М. В. Балдинъ и К°“. Арбатъ, 7.
1912 г.

I.

Въ 1783 году, по разсказу самого Аракчеева, отецъ привезъ его въ Петербургъ, двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, и отдалъ въ корпусъ. Всякій поступающій въ корпусъ, долженъ былъ имѣть свой собственный мундиръ, стоившій около семи рублей. У Аракчеевыхъ такихъ денегъ не было. Отецъ и сынъ пошли къ крыльцу митрополичьяго дома и стали въ толпѣ бѣдныхъ, ожидавшихъ милостыни. Въ обычный часъ вышелъ владыка, одѣлилъ нищихъ и далъ Аракчееву полтора рубля. Сдѣлать мундиръ на эти деньги было невозможно. Отецъ съ сыномъ отправились тогда къ одной знакомой и не безъ труда выпросили недостающіе шесть рублей. Такъ началось жизненное поприще самаго могущественнаго изъ временщиковъ.

Впослѣдствіи, находясь на вершинѣ могущества, Аракчеевъ съ большой охотой вспоминалъ объ этомъ эпизодѣ своего дѣтства. Очень возможно,

что весь этотъ анекдотъ былъ выдуманъ или сильно преувеличенъ ради выразительнаго контраста; но во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что происхожденіе Аракчеева никоимъ образомъ не возвѣщало ему тѣхъ исключительныхъ успѣховъ, какихъ ему суждено было достигнуть. У отца Аракчеева, вышедшаго въ 1752 году съ чиномъ поручика въ отставку, было душъ 500 крестьянъ, и въ общемъ семья жила сносно. Но ни связей, ни сколько-нибудь вліятельной родни не было, и молодому Аракчееву предстояло пробивать себѣ путь исключительно своими силами.

Съ первыхъ же шаговъ Аракчеевъ показалъ, что онъ пойдетъ далеко. Въ маленькомъ невзрачномъ, некрасивомъ, упрямомъ мальчикѣ сразу обнаружились свойства, за которыя товарищи возненавидѣли его, а начальство отмѣтило и полюбило. Дружбы, товарищества, веселыхъ игръ и проказъ Аракчеевъ не зналъ и не понималъ; сразу онъ сталъ особнякомъ, не сближаясь ни съ кѣмъ изъ сверстниковъ, и все вниманіе и силы употребилъ на пунктуальнѣйшую исполнительность всѣхъ приказовъ и предначертаній начальства. Его неутомимость поражала всѣхъ; его трудолюбіе казалось почти неестественнымъ въ маленькомъ кадетѣ; ни одного проступка, ни одной шалости, ни одной небрежности,—всегда одинаковая готовность на все, что прикажутъ.

Немудрено, что новаго кадета тотчасъ замѣтили и отличили. Семь мѣсяцевъ спустя онъ былъ удостоенъ самой лестной аттестаціи и переведенъ въ

старшее отдѣленіе корпуса. Этотъ быстрый успѣхъ не вскружилъ ему головы; напротивъ, его настойчивость и неукоснительная пунктуальность какъ будто получили новый толчокъ. Ни разу за все пребываніе въ корпусѣ Аракчеевъ не измѣнилъ себѣ, и чѣмъ больше онъ учился, тѣмъ глубже ненавидѣли его товарищи и любило начальство. Черезъ четыре года онъ былъ награжденъ вызолоченной медалью съ чиномъ сержанта.

Вмѣстѣ съ этимъ отличіемъ ему были присвоены уже нѣкоторыя начальственныя функціи: его назначили помощникомъ корпусныхъ офицеровъ, стали поручать ему надзоръ за порядкомъ въ корпусѣ и даже производство строевыхъ ученій. Теперь товарищество, ненавидѣвшее Аракчеева за его отчужденность и замкнутость, увидѣло, что этотъ юноша способенъ внушить не только ненависть, но и страхъ. Молодой начальникъ не зналъ ни поблажки, ни пощады, расправляясь съ провинившимися съ тѣмъ методическимъ, деревяннымъ безстрастіемъ, которое дѣлало его похожимъ на автоматически дѣйствующую машину. Его тяжелая рука и недреманный всевидящій глазъ тяготѣли надъ корпусомъ. Зато начальство буквально не чаяло въ немъ души. Мелиссино, начальникъ корпуса, всячески отличалъ его, устраивалъ ему выгодные уроки, рекомендовалъ и расхваливалъ его гдѣ только можно. Аракчеевъ принималъ всѣ эти ласки и отличія все съ тою же деревянной готовностью на все и продолжалъ свое дѣло съ несокрушимымъ рвеніемъ. Въ немъ было какое-то

страшное совмѣщеніе душевной тупости, граничащей съ идіотизмомъ, и несомнѣнно незаурядныхъ способностей. Корпусныя науки онъ зналъ блестяще, въ особенности артиллерійское дѣло. Во все, за что онъ ни брался, онъ вносилъ все ту же неукоснительную пунктуальность, не упуская ни одной ничтожнѣйшей мелочи, и окончилъ корпусъ первымъ по успѣхамъ и, главное, по прилежанію и поведенію. Очарованный талантливымъ ученикомъ, Мелиссино выхлопоталъ ему назначеніе въ свой штабъ адъютантомъ и чинъ капитана арміи. Такимъ образомъ прямо со школьной скамьи Аракчеевъ попалъ на видный военно-служебный постъ. Это обѣщало многое.

Одно обстоятельство, крайне характерное для политическихъ особенностей описываемаго момента, рѣшило участь Аракчеева и разомъ вывело его на широкій путь. Въ этотъ моментъ въ Россіи было два двора, представлявшіе собою два различныхъ міра: петербургскій дворъ старѣющей матушки Екатерины, блестящій, фривольный, веселый, и гатчинскій дворъ—мрачное, угрюмое, казарменное убѣжище сорокалѣтняго цесаревича Павла, „гатчинскаго чудака“, какъ звалъ его послѣдній фаворитъ Екатерины, Платонъ Зубовъ.

Цесаревичъ жилъ особнякомъ, своимъ особымъ міромъ, чуждымъ и почти явно враждебнымъ міру петербургскому. „Всякій день,—пишетъ одинъ современникъ,—можно было наслышаться новыхъ анекдотовъ въ Петербургѣ о дворѣ Гатчинскомъ; толикія проказы позволялись наслѣднику ради того,

чтобы онъ былъ чѣмъ-нибудь занятъ и не помышлялъ бы о правленіи государствомъ, по его мнѣнію, по всѣмъ правиламъ ему принадлежавшимъ“.

А между тѣмъ „толикія проказы“ опальнаго цесаревича были гораздо серьезнѣе, чѣмъ думали въ Царскомъ Селѣ и Петербургѣ. Нелюбя своего сына, мечтая втайнѣ лишить его престола въ пользу внука, Екатерина, по непонятному упущенію, предоставила гатчинскому отшельнику полную свободу дѣйствій,—лишь бы онъ не путался въ обще-государственныя дѣла. И Павелъ использовалъ свою свободу по своему. Съ 1782 года въ Гатчинѣ и Павловскѣ постепенно формировались и усиливались особые отряды войскъ, состоявшіе изъ трехъ родовъ оружія: пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи. Вначалѣ были составлены двѣ караульныхъ команды, всего по 30 человѣкъ каждая. Мало-по малу онѣ пополнялись нижними чинами изъ другихъ командъ и офицерами изъ отставныхъ. Все устройство, обмундировка и обученіе этихъ гатчинскихъ войскъ не имѣли ничего общаго съ порядками, существовавшими въ правительственныхъ россійскихъ войскахъ. Это былъ,—говоритъ одинъ историкъ,—какъ бы протестъ противъ военной системы, установившейся въ царствованіе Екатерины. Цесаревичъ старался возродить въ своихъ войскахъ тѣ самые „обряды неудобь носимые“, которые, по словамъ Екатерины, будучи введены Петромъ III, „не токмо храбрости военной не умножали, но паче растравляли сердца

болѣзненныя всѣхъ вѣрноподданныхъ его войскъ". Такимъ образомъ среди россійской арміи появились, какъ бы съ дозволенія правительства, какіе то обособленныя войска, устроенныя по прусскому образцу и походившія на живую каррикатуру уже отжившихъ свое время фридриховскихъ порядковъ. Современникъ замѣчаетъ, что, въѣзжая въ Гатчину, какъ будто въѣзжаешь въ прусское владѣніе. Желѣзная дисциплина, безпощадная муштровка, бездушный формализмъ царствовалъ въ этомъ особомъ Павловскомъ мірѣ. Въ 1796 году гатчинскія войска состояли уже изъ шести батальоновъ пѣхоты, четырехъ кавалерійскихъ полковъ и артиллеріи.

Личный составъ гатчинской арміи былъ самый незавидный. Современникъ Павла Вигель такъ отзывался о гатчинскихъ офицерахъ;

„Это были по большей части люди грубые, совсѣмъ необразованные, соръ нашей арміи; выгнанные изъ полковъ за дурное поведеніе, пьянство или трусость, эти люди находили убѣжище въ гатчинскихъ батальонахъ и тамъ, добровольно обратясь въ машины, безъ всякаго неудовольствія переносили всякій день отъ наслѣдника брань, а можетъ быть иногда и побои. Между сими подлыми людьми были и чрезвычайно злые. Изъ гатчинскихъ болотъ своихъ они смотрѣли съ завистью на счастливцевъ, кои смѣло и гордо шли по дорогѣ почестей. Когда, наконецъ, счастье имъ улыбнулось, они закипѣли местью".

Среди этихъ „подлыхъ людей" явился въ 1792 г.

и Аракчеевъ, и пришелся здѣсь какъ нельзя болѣе кстати.

II.

24-хъ-лѣтній капитанъ Аракчеевъ былъ адъютантомъ въ штабѣ Мелиссино, когда цесаревичъ Павелъ пожелалъ узнать, какъ задѣлываютъ раковину, образующуюся въ дулѣ оружія. Въ тѣ времена это было важнымъ секретомъ. Павелъ обратился къ Мелиссино съ просьбой прислать ему мастера. Мелиссино послалъ въ Гатчино мастера въ сопровожденія своего адъютанта Аракчеева, Павелъ былъ тронутъ этимъ вниманіемъ петербургскаго сановника и принялъ его адъютанта съ величайшей любезностью.

Аракчеевъ былъ не изъ тѣхъ, которые способны пропустить счастливый моментъ. Воспользовавшись расположеніемъ цесаревича, онъ подалъ ему мысль образовать артиллерійскую роту по новѣйшему образцу. Павелъ былъ въ восторгѣ отъ этого предложенія и тутъ же назначилъ Аракчеева командиромъ новой роты. 4 сентября 1792 года Аракчеевъ началъ свою Гатчинскую службу.

Его немедленно замѣтили и тутъ. Одинъ изъ современниковъ такъ выразился о немъ: „jamais poéte pyndarique ne fut plus impérieusement tourmenté de son Apollon que cet homme n'est obsèdé de son dèmon martial“—никогда никакого самого восторженнаго поэта Аполлонъ не одолѣвалъ такъ, какъ одолѣвалъ этого человѣка его солдатскій демонъ.

Аракчеевъ производилъ ученіе по двѣнадцати

часовъ подрядъ, не сходя съ поля. Цесаревичъ Павелъ былъ въ полномъ восторгѣ: въ лицѣ Аракчеева явилось какъ бы живое воплощеніе гатчинскихъ казарменныхъ идеаловъ. И въ короткое время Аракчеевъ становится въ Гатчинѣ первымъ лицомъ. Павелъ засыпалъ его отличіями и наградами, далъ ему позволеніе находиться постоянно при великокняжескомъ обѣденномъ столѣ, назначилъ его послѣдовательно капитаномъ артиллеріи, майоромъ артиллеріи, инспекторомъ артиллеріи, наконецъ, гатчинскимъ губернаторомъ и полковникомъ гатчинскихъ войскъ.

Здѣсь, въ Гатчинѣ, впервые было заложено глубокое основаніе будущаго всемогущества Аракчеева и той тѣсной связи, которая на всю жизнь соединила его съ Александромъ I. Въ виду огромной важности этого періода жизни Аракчеева для всей послѣдующей его карьеры, разсмотримъ этотъ періодъ нѣсколько подробнѣе.

Въ послѣдніе годы жизни Екатерины, императрицу не оставляла мысль о будущемъ наслѣдникѣ престола. Сынъ ея, угрюмый Павелъ, внушалъ ей не только личную антипатію. По мнѣнію авторитетнаго историка Шильдера, Екатерина вовсе не была жестокою, безсердечною матерью, какою многіе писатели склонны были изображать ее. Но она отлично знала своего сына и не могла думать безъ страха о томъ, что имперія, выдвинутая ею „на путь благоденствія славы и образованности“, останется послѣ нея безъ всякихъ гарантій прочнаго существованія. И

мало по малу въ ней созрѣла мысль передать престолъ прямо внуку, Александру. Правда, на пути осуществленія этого плана стояло крупное препятствіе—родной сынъ и законный наслѣдникъ престола—Павелъ. Но это препятствіе не страшило императрицу.

— На этомъ свѣтѣ,—высказала она однажды,—препятствія созданы для того, чтобы достойные люди ихъ уничтожали и тѣмъ умножали свою репутацію: вотъ назначеніе препятствій.

Планъ лишенія Павла престола былъ обдуманъ и разработанъ въ интимномъ кругу ближайшихъ друзей императрицы. О немъ зналъ и молодой Александръ. Какъ же самъ онъ отнесся къ этимъ таинственнымъ приготовленіямъ?

Характеръ Александра I теперь уже не представляется намъ неразрѣшимой загадкой. Александръ былъ тонкій актеръ по преимуществу. Еще Наполеонъ Бонапартъ называлъ его сѣвернымъ Тальма̀, и говорилъ, что Александръ—настоящій византіецъ, вкрадчивый, внѣшне-уступчивый, скрытный и непроницаемый. Проведшій все дѣтство и юность между двумя дворами, Александръ съ раннихъ лѣтъ привыкъ скрывать свои подлинныя мысли и воспиталъ въ себѣ безпримѣрное умѣніе угождать двумъ рѣзко враждебнымъ сторонамъ. Екатерина не чаяла въ немъ души. Въ Царскомъ Селѣ и Петербургѣ Александръ, одѣтый въ бархатъ и шелкъ, блисталъ легкимъ веселымъ остроуміемъ, читалъ съ бабушкой Вольтера и съ улыбкой выслушивалъ шуточки Зубова

надъ „гатчинскимъ чудакомъ“. Тутъ всѣ, отъ императрицы до послѣдняго придворнаго, привыкли считать его своимъ. А въ Гатчинѣ тотъ же Александръ, затянутый въ безобразный мундиръ прусскаго покроя, въ огромныхъ ботфортахъ, дѣлалъ чудеса плацпарадныхъ экзерцицій и, возвращаясь послѣ двѣнадцати-часовой маршировки, любилъ повторять въ присутствіи отца:

— Вотъ это по нашему, по Гатчински!

Не противорѣча бабушкѣ, соглашаясь съ нею во всѣхъ ея планахъ и замыслахъ, Александръ въ то же время всѣми силами старался завоевать симпатіи и довѣріе отца. Есть всѣ основанія думать, что отцу онъ симпатизировалъ даже больше, чѣмъ бабушкѣ.

Это прекрасно понялъ Аракчеевъ, и на этомъ построилъ всѣ свои надежды и разсчеты. Служа Павлу, онъ въ то же время пользовался всѣми средствами, чтобы завоевать сердце Александра, сдѣлаться необходимымъ ему человѣкомъ. И въ противовѣсъ замысламъ Екатерины въ Гатчинѣ образовался какъ бы молчаливый тріумвиратъ— Александръ, Павелъ и Аракчеевъ.

— У меня есть только Богъ да вы!—сказалъ однажды Аракчеевъ Павлу.

— Современемъ я сдѣлаю тебя человѣкомъ!— милостиво отвѣчалъ Павелъ.

16 сентября 1796 года великій князь Александръ Павловичъ былъ приглашенъ къ императрицѣ, и между ними происходило таинственное совѣщаніе. Екатерина прямо объявила внуку о

своемъ рѣшеніи лишить Павла престола въ пользу Александра. Дѣло казалось слаженнымъ окончательно: оставалось только разработать детали, опубликовать манифестъ и арестовать Павла. Александръ не только не противорѣчилъ бабушкѣ, но, казалось, совершенно раздѣлялъ ея мысль о государственной необходимости задуманнаго переворота; 24 сентября онъ написалъ ей слѣдующее письмо:

„Ваше Императорское Величество! Я никогда не буду въ состояніи выразить свою благодарнасть за то довѣріе, которымъ Ваше Величество соблаговолили почтить меня, и за ту доброту, съ которой изволили дать собственноручное поясненіе къ остальнымъ бумагамъ. Я надѣюсь, что Ваше Величество, судя по усердію моему, убѣдитесь, что я вполнѣ чувствую все значеніе оказанной Вами милости. Дѣйствительно, даже своею кровью я не въ состояніи отплатить за все то, что Вы соблаговолили уже и еще желаете сдѣлать для меня... Еще разъ повергая къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества чувства моей живѣйшей благодарности, осмѣливаюсь быть съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и самою неизмѣнною преданностью.

Вашего Императорскаго Величества всенижайшій, всепокорнѣйшій подданный и внукъ Александръ“.

И въ то самое время, когда между старой императрицей и ея „всенижайшимъ, всепокорнѣйшимъ подданнымъ и внукомъ“ царило столь пол-

ное согласіе,—въ это же самое время происходило все большее сближеніе Александра съ Павломъ. Какъ разъ *наканунѣ* только-что приведеннаго письма императрицѣ Александръ написалъ письмо Аракчееву. Само по себѣ письмо неинтересно: оно касается чисто строевыхъ служебныхъ дѣлъ и можетъ служить только лишней иллюстраціей того, какъ высоко было уже въ это время положеніе Аракчеева. Но это письмо замѣчательно одной подробностью: въ немъ, отзываясь объ отцѣ, Александръ величаетъ его уже Императорскимъ Величествомъ, несмотря на то, что императрица была еще жива.

Трудно сказать, какъ бы разрѣшился весь этотъ планъ переворота. Но развязка пришла скорѣе, тѣмъ думали его инидіаторы. 5 ноября 1796 года императрица Екатерина была смертельно поражена апоплексическимъ ударомъ, не успѣвъ сдѣлать ничего изъ задуманныхъ мѣропріятій. Своеобразный семейно-дворцовый заговоръ рухнулъ, и, къ великому ужасу ближайшихъ друзей Екатерины, престолъ переходилъ къ Павлу.

Потерявшій отъ страха голову ничтожный фаворитъ Екатерины Зубовъ бросился стремглавъ въ Гатчину, чтобы доложить цесаревичу о серьезной болѣзни императрицы и засвидѣтельствовать еще недавно высмѣиваемому имъ „гатчинскому чудаку“ чувства вѣрноподданнической преданности. Но и для Павла смертельная болѣзнь императрицы и прибытіе Зубова были полной неожиданностью.

Узнавъ о прибытіи Зубова, Павелъ, блѣдный,

какъ смерть обратился къ великой княгинѣ со словами:

— Ma chère, nous sommes perdus! (Дорогая, мы погибли!). Онъ думалъ, что Зубовъ пріѣхалъ арестовать его. Говорятъ, что волненіе, испытанное имъ въ этотъ моментъ, и внезапный переходъ отъ смертельнаго страха къ сознанію царскаго всемогущества, пагубнымъ образомъ отразились на всей нервной и душевной организаціи Павла Петровича. Глубокій испугъ смѣнился мрачной и мстительной радостью.

Тихой лунной ночью Павелъ съ Александромъ и нѣсколькими Гатчинскими офицерами прибыли въ Чесменскій дворецъ. Екатерина еще была жива, еще дышала, но минуты ея были уже сочтены. Она лежала безъ сознанія, и грудь ея судорожно поднималась съ тяжелымъ хрипомъ. Среди подавленныхъ ужасомъ сановниковъ и царедворцевъ, Павелъ прошелъ въ спальню умирающей императрицы и нѣсколько минутъ бесѣдовалъ съ медиками; потомъ прошелъ въ угольный кабинетъ, гдѣ находился Александръ. Въ этотъ моментъ изъ Гатчины прискакалъ Аракчеевъ.

— Смотри, Алексѣй Андреевичъ!—сказалъ ему Павелъ,—служи мнѣ какъ и прежде!

Затѣмъ, подозвавъ Александра, онъ соединилъ его руки съ руками Аракчеева:

— Будьте друзьями и помогайте мнѣ! — сказалъ онъ торжественно.

Аракчеевъ былъ грязенъ и закиданъ мокрымъ снѣгомъ. Узнавъ, что онъ прискакалъ изъ Гат-

чины въ одномъ мундирѣ, не имѣя никакихъ вещей, Александръ позвалъ его къ себѣ и далъ ему собственную рубашку (въ которой впослѣдствіи Аракчеевъ завѣщалъ похоронить себя). Съ этого момента личность „гатчинскаго капрала“ становится историческимъ лицомъ, отбрасывая свою уродливую тѣнь почти на все царствованіе Павла и Александра I.

III.

Блестящая феерія царствованія Екатерины окончилась; 6 го ноября скончалась великая императрица, а 10-го ноября гатчинскія войска, вызванныя въ Петербургъ, торжественно вступили въ столицу. Они выстроились на дворцовой площади, и Павелъ обратился къ нимъ и сказалъ:

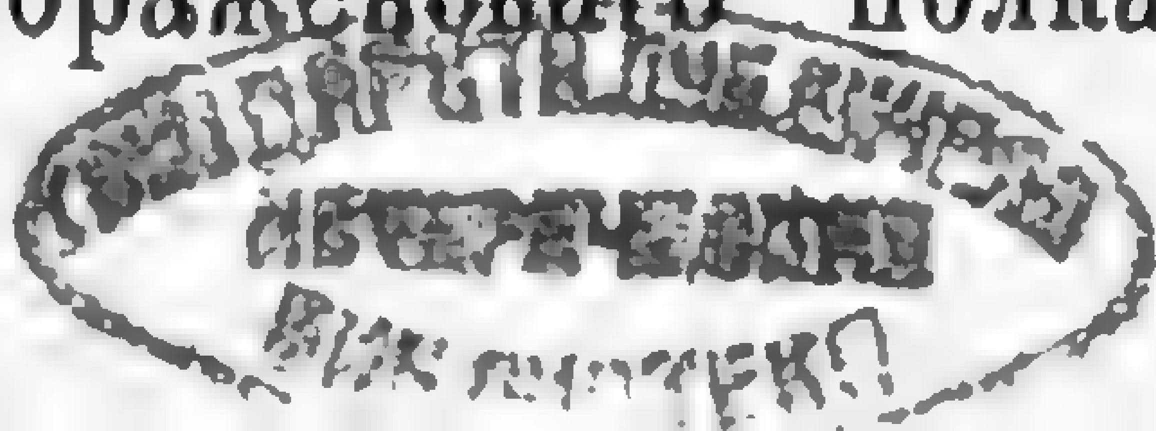
— Благодарю васъ, мои друзья, за вѣрную вашу службу, и въ награду за оную вы поступаете въ гвардію. А господа офицеры—чинъ въ чинъ!

Трудно представить себѣ возмущеніе блестящаго гвардейскаго офицерства, когда въ составъ его вошли эти „подлые люди“, набранные въ гатчинскій гарнизонъ отовсюду, съ бору по сосенкѣ. „Съ какою печалью,—повѣствуетъ тогдашній гвардеецъ Комаровскій,—мы должны были считать ихъ своими товарищами. Иначе и быть не могло, ибо эти новые товарищи были не только безъ всякаго воспитанія, но многіе изъ нихъ развратнаго поведенія, нѣкоторые даже ходили по кабакамъ, такъ что гвардейскіе наши солдаты гнушались быть у нихъ подъ командою“.

Въ теченіе сутокъ послѣ смерти импе-ратрицы ея роскошный, элегантный, блестящій дворъ превратился въ огромную кордегардію. Тотчасъ, по замѣчанію Державина, „все приняло другой видъ, загремѣли шпоры, ботфорты, тесаки, и, будто по завоеваніи города, ворвались въ покои вездѣ военные люди съ великимъ шумомъ“.

Наступили другія времена, все измѣнилось, какъ по мановенію волшебнаго жезла. „Я вошелъ въ залу,—разсказываетъ очевидецъ воцаренія Павла А. С. Шишковъ,—и столько же пораженъ былъ удивленіемъ, сколько удрученъ печалью. Перемѣна была такъ велика, что не иначе показалась мнѣ, какъ бы непріятельскимъ нашествіемъ. Дворецъ наполненъ былъ множествомъ разнаго рода людей, стоявшихъ неподвижно, съ изображенною на лицахъ скорбью и безпокойствомъ. Весь прежній блескъ, вся величавость Двора исчезли. Вездѣ въ немъ и вокругъ него появились солдаты съ ружьями. Знаменитѣйшія особы, первостепенные чиновники, управлявшіе государственными дѣлами, стояли какъ бы лишенные уже должностей своихъ и званій, съ поникнувшей головой. Люди малыхъ чиновъ, о которыхъ день тому назадъ никто не помышлялъ, никто почти не зналъ ихъ,—бѣгали, повелѣвали, учреждали“...

И первымъ среди этихъ новыхъ „малыхъ чиновъ“ гатчинскихъ людей былъ полковникъ Аракчеевъ. Приказомъ отъ 7 ноября Аракчеевъ былъ назначенъ комендантомъ города Петербурга и командиромъ Преображенскаго полка. Цесаревичъ

Александръ былъ назначенъ командиромъ Семеновскаго полка. 8-го ноября Аракчеевъ произведенъ въ генералъ-маіоры; 13-го ноября ему пожалована анненская лента. Квартира Аракчееву была предоставлена въ Зимнемъ Дворцѣ, гдѣ онъ занялъ покои князя Зубова.

Отнынѣ „гатчинскій капралъ", по выраженію Ростопчина, принимается „смирять" высокомѣріе екатерининскихъ вельможъ. При первомъ же разводѣ гвардія была ошеломлена дикой грубостью го пріемовъ. Многоэтажныя гнуснѣйшія ругательства сыпались изъ его устъ. Жестокость его впервые проявилась здѣсь во всемъ блескѣ. Онъ собственноручно вырывалъ провинившимся гвардейцамъ усы, а въ день воцаренія Павла, на парадѣ въ припадкѣ ярости откусилъ одному солдату ухо „Ракаліи", „мерзавцы" — таковы были наиболѣе мягкія формы обращенія новаго начальника къ екатерининскимъ гвардейцамъ. Казалось, сама тѣнь Петра III, низложеннаго гвардіей, явилась изъ гроба, чтобы мстить ей за обиду.

Гвардія была подавлена ужасомъ. Безпощадныя расправы слѣдовали одна за другой; никто изъ гвардейскихъ офицеровъ не зналъ навѣрное, что принесетъ ему завтрашній день. Что то палаческое было во всѣхъ безчисленныхъ экзерциціяхъ и смотрахъ, которыми Аракчеевъ каждый день мучилъ гвардію. Не одна, впрочемъ, гвардія сразу испытала на себѣ его тяжелую руку. Презрѣніе страшнаго временщика ко всему екатерининскому было такъ велико, наглость такъ безпредѣльна

что однажды при смотрѣ Екатеринославскаго гренадерскаго полка, прославившагося въ предыдущихъ войнахъ, Аракчеевъ громогласно обозвалъ знамена этого полка екатерининскими юбками! Легко представить себѣ, какія чувства должны были испытывать офицеры и солдаты полка, такъ издѣвательски третируемые темнымъ гатчинскимъ капраломъ, никогда не нюхавшимъ порохового дыма.

Измывательство Аракчеева надъ подчинеными ему людьми не знало предѣловъ. Но Павелъ не только не старался смирить своего не въ мѣру усерднаго холопа, но, наоборотъ, осыпалъ его все новыми знаками благоволенія. 12 декабря Аракчеевъ получилъ въ даръ столь знаменитую впослѣдствіи Грузинскую волость въ Новгородской губерніи. Въ апрѣлѣ 1797 ему былъ пожалованъ титулъ барона, при чемъ на баронскомъ гербѣ его Павелъ сдѣлалъ собственноручную надпись: „безъ лести преданъ“. Въ то же время Аракчеевъ былъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ всей арміи. Возвышеніе Аракчеева шло не по днямъ а по часамъ, и соотвѣтственно ему возрастала его нестерпимая заносчивость и кичливость. Всѣ пріемы его имѣли характеръ дикаго и безпутнаго самодурства, и единодушная всеобщая ненависть была ему отвѣтомъ.

Но именно въ это страшное четырехлѣтнее царствованіе окрѣпла и упрочилась навсегда дружба Аракчеева съ Александромъ. Дѣло въ томъ, что Павелъ всю жизнь не могъ отдѣлаться отъ нѣсколько недовѣрчиваго и подозрительнаго

отношенія къ Александру, „бабушкиному баловню“. Чтобы разсѣять это чувство, Александру приходилось каждую минуту быть на чеку, приходилось по выраженію А. А. Кизеветтера, „завоевывать свою безопасность напряженной до послѣднихъ предѣловъ служебной исполнительностью. А для удовлетворенія требовательности Павла въ этомъ отношеніи нужны были поистинѣ гигантскія усилія. Всего труднѣе было услѣдить за разными мелочами, между тѣмъ какъ ошибка въ мелочахъ всего болѣе могла воспламенить гнѣвъ Павла. Недаромъ печать мученичества лежала на лицѣ Александра во все время царствованія его отца. Однѣми собственными силами Александръ не былъ бы въ состояніи выдержать тяжести этой службы, которая равнялась пыткѣ. Здѣсь то Аракчеевъ и взялъ на себя по отношенію къ Александру роль самоотверженнаго дядьки, прикрывающаго молодого барчука отъ грознаго отца“.

Самъ Аракчеевъ, припоминая въ старости различные эпизоды своего прошлаго, разсказывалъ о своеобразной плутнѣ, практиковавшейся имъ ежедневно въ царствованіе Павла. Каждый день, въ пять часовъ утра, Павлу подносился рапортъ о состояніи Петербурга. Рапортъ долженъ былъ подписывать Александръ въ качествѣ военнаго губернатора столицы. И ежедневно Аракчеевъ около пяти часовъ утра являлся въ спальню цесаревича, уже давно женатаго. Супруга цесаревича Елисавета Алексѣевна пряталась съ головой подъ одѣяло, а Александръ подписывалъ рапортъ,

не подымаясь съ постели. Затѣмъ цесаревичъ снова спокойно засыпалъ, а Аракчеевъ несъ рапортъ Павлу и неизмѣнно докладывалъ ему, что великій князь давно всталъ и занимается служебными дѣлами.

Однимъ рапортомъ дѣло, конечно, не ограничивалось. Александръ былъ заваленъ дѣлами, и трудно сказать, какъ бы онъ справился съ ними безъ предупредительнаго усердія и поистинѣ желѣзной неутомимости Аракчеева. Аракчеевъ занимался съ солдатами, порученными Александру, разсматривалъ и рѣшалъ всѣ крупнѣйшія дѣла, вставалъ до зари, чтобы дать возможность Александру выспаться, какъ слѣдуетъ. Однимъ словомъ, по мѣткому выраженію А. А. Кизеветтера, Александръ заслонялся Аракчеевымъ отъ отца, расчетливо пользовался его услугами, закрывалъ глаза на его недостатки. Въ дальнѣйшемъ мы увидимъ, что Александръ приближалъ къ себѣ Аракчеева тогда, когда ему нужно было заслониться отъ общественнаго мнѣнія Россіи.

Звѣзда „гатчинскаго капрала“ всходила все выше и выше, какъ вдругъ въ началѣ 1798 года по всей Россіи громомъ прокатилась вѣсть, что Аракчеевъ уволенъ безъ прошенія въ чистую отставку. Это была первая серьезная неудача на всемъ служебномъ поприщѣ страшнаго временщика. Онъ слишкомъ зарвался. Давя своей желѣзной рукой всѣхъ, кто попадался ему на дорогѣ, не разбирая никого, Аракчеевъ совершенно потерялъ мѣру поступковъ и словъ. На одномъ смотру онъ непот-

ребнѣйшимъ образомъ изругалъ подполковника Лена, Суворовскаго героя и георгіевскаго кавалера. Не будучи въ силахъ перенести обиду и въ то же время сознавая свое безсиліе предъ всевластнымъ временщикомъ, Ленъ застрѣлился, отправивъ Аракчееву письмо.

Въ обществѣ и въ офицерствѣ поднялся открытый ропотъ возмущенія. Къ счастью Ленъ оказался лично извѣстенъ Павлу и былъ рекомендованъ ему гр. Румянцевымъ-Задунайскимъ. Императоръ потребовалъ письмо Лена. Въ это же время Аракчеевъ публично осыпалъ преображенцевъ гнуснѣйшими ругательствами. Всѣ эти подвиги вызвали, наконецъ, гнѣвъ Павла: онъ внялъ общему голосу и повелѣлъ Аракчееву выйти въ отставку. Въ Петербургѣ вздохнули свободнѣе.

Къ несчастью опала Аракчеева длилась всего годъ. Онъ былъ слишкомъ нуженъ цесаревичу Александру, изнемогавшему отъ безпощадной служебной требовательности отца. Заступничество Александра спасло Аракчеева. Годъ спустя, жившій въ своемъ Грузинѣ, Аракчеевъ получилъ собственноручное письмо Александра Павловича:

„Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! Я имѣю порученіе отъ государя тебѣ написать, что онъ имѣетъ нужду до тебя, и чтобы ты пріѣхалъ къ нему. Я отмѣнно радуюсь сему случаю, который мнѣ причинитъ веселіе тебя видѣть, чего уже давно я желаю. Исполнивъ волю государя, не остается мнѣ другого, какъ пожелать тебѣ здоровья и хорошаго пути. Прощай, другъ мой. Твой вѣрный другъ“.

Аракчеевъ былъ пожалованъ графомъ, вновь принятъ на службу, и мрачная звѣзда его стала разгораться вновь. Неудача ничуть не поколебала его характера, напротивъ, онъ еще съ большимъ рвенiемъ принялся за прежнее палачество. Но счастье вторично (теперь уже въ послѣднiй разъ) измѣнило ему. Судьба какъ бы колебалась окончательно отдать свои симпатiи темному гатчинскому проходимцу.

Въ артиллерiйскомъ арсеналѣ хранилась старинная колесница для штандарта, обитая бархатомъ, съ золотыми кистями и галуномъ. Какой то предприимчивый солдатикъ умудрился пробраться сквозь чугунную рѣшетку окна, обрѣзалъ галунъ и кисти и утощилъ. Скрыть что бы то ни было отъ вездѣсущаго и всевѣдующаго Павла было совершенно немыслимо. Новоиспеченному графу изъ Гатчины предстояло непремѣнно доложить о кражѣ императору.

Аракчеевъ оказался въ щекотливомъ положенiи. Дѣло въ томъ, что въ день покражи при арсеналѣ стоялъ караулъ отъ артиллерiйской части, которой командовалъ родной братъ временщика генералъ-майоръ Андрей Андреевичъ. Гнѣвъ царя неминуемо долженъ былъ пасть на него. И чтобы выручить брата, Аракчеевъ пустился на позорнѣйшую подлость: онъ доложилъ государю, что въ день кражи караулъ былъ отъ полка генералъ-лейтенанта Вильде. Вильде немедленно былъ отставленъ отъ службы.

Бѣдняга въ отчаянiи бросился къ графу Кутай-

сову и объяснилъ ему свою полную невиновность и безчестный поступокъ Аракчеева. Въ этотъ день у Павла былъ балъ. Аракчеевъ явился на балъ, ничего не подозрѣвая, какъ вдругъ къ нему подошелъ генералъ-лейтенантъ Кутлубицкій и заявилъ:

— По приказанію Его Величества вы должны отправиться домой.

Кутайсовъ доложилъ обо всемъ Павлу. На слѣдующее утро 1 октября 1799 года послѣдовалъ краткій Высочайшій приказъ, по которому Аракчеевъ отставлялся отъ службы за ложное донесеніе государю.

Здѣсь нельзя обойти молчаніемъ чрезвычайно интересную сценку, рисующую какъ характеръ Александра, такъ и его истинныя чувства къ „вѣрному другу". На вахтъ-парадѣ 1 октября вѣсть объ отставкѣ Аракчеева пронеслась между собравшимися и возбудила всеобщую радость въ служебномъ мірѣ. Цесаревичъ Александръ Павловичъ подошелъ къ генералъ-майору Тучкову.

— Ты слышалъ объ Аракчеевѣ?—спросилъ онъ.—Знаешь, кто назначенъ вмѣсто него?

— Знаю, Ваше Высочество,—отвѣчалъ Тучковъ.—Назначенъ Амбразанцевъ.

— Каковъ онъ?

— Онъ пожилой человѣкъ. Можетъ быть, не такъ знаетъ фронтовую часть, но, говорятъ, добрый и честный человѣкъ.

— Ну, слава Богу!—сказалъ Александръ.—Это назначеніе—настоящая лотерея: могли бы попасть на

такого же *мерзавца*, какъ Аракчеевъ.

А двѣ недѣли спустя Александръ писалъ въ Грузино Аракчееву письмо, начинавшееся такъ: „Я надѣюсь, другъ мой, что мнѣ нужды нѣтъ при семъ несчастномъ случаѣ возобновить увѣреніе о моей непрестанной дружбѣ. Ты имѣлъ довольно опытовъ объ оной, и я увѣренъ, что ты объ оной и не сомнѣваешься. Повѣрь, что она никогда не перемѣнится... Прощай (заканчивалось письмо), другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! не забывай меня, будь здоровъ и думай, что у тебя вѣрный другъ во мнѣ остается"

Аракчеевъ недолго прожилъ въ царской опалѣ. 11 марта 1800 года императора Павла не стало.

Наступилъ новый вѣкъ, „дней Александровыхъ прекрасное начало". Страшные призраки казарменнаго деспотизма разсѣялись: молодой монархъ пересталъ быть простымъ унтеръ офицеромъ своего отца. Вокругъ трона появились новыя, свѣжія лица; общество возлагало на молодого государя великія надежды. Опала Аракчеева кончилась, но императоръ, освободившійся отъ отцовской каторжной службы, не торопился вызывать своего вѣрнаго дядьку и пѣстуна. Въ первые годы царствованія Александръ, какъ извѣстно, увлекался очень смутными и неопредѣленными, но очень либеральными планами общественнаго переустройства. Правда, изъ этихъ плановъ ничему не суждено было осуществиться; но пока они были, Аракчееву было нечего дѣлать. Александръ не терялъ его изъ вида, какъ бы предчувствуя, что желѣзная рука „гат-

чинскаго капрала“ еще понадобится ему когда нибудь. Но временно, на нѣсколько лѣтъ, Аракчеевъ отошелъ отъ политической сцены и скрылся въ тѣни частной, домашней жизни. Посмотримъ, каковъ былъ въ личной и семейной жизни этотъ человѣкъ, оставившій по себѣ такую мрачую и зловѣщую память.

IV.

Рѣдкій человѣкъ такъ гармонично совмѣщалъ въ своей персонѣ физическое безобразіе съ душевной низостью. Наружность Аракчеева, по единодушному свидѣтельству современниковъ, была отвратительна. Съ этой стороны онъ былъ полной противоположностью красавцу Бирону, плѣнившему суровое сердце императрицы Анны Іоанновны.

„Фигура графа, — пишетъ Гриббе, — поразила меня своею непривлекательностью. Представьте себѣ человѣка средняго роста, сутулаго, съ темными и густыми, какъ щетка, волосами, низкимъ волнистымъ лбомъ, съ небольшими, страшно холодными и мутными глазами, съ толстымъ, весьма неизящнымъ носомъ формы башмака, довольно длиннымъ подбородкомъ и плотно сжатыми губами, на которыхъ никто, кажется, никогда не видывалъ улыбки или усмѣшки. Верхняя губа была чисто выбрита, что придавало его рту еще болѣе непріятное выраженіе. Прибавьте ко всему этому еще сѣрую куртку, надѣтую сверхъ артиллерійскаго сюртука. Онъ говорилъ сильно въ носъ и имѣлъ привычку

не договаривать окончанія словъ, точно проглатывалъ ихъ".

Даже расположенные къ Аракчееву біографы, вродѣ И. С. Жиркевича, свидѣтельствуютъ, что „графъ собою былъ безобразенъ и въ рѣчахъ произношенія гнусливаго". Но лучше всѣхъ изображаетъ портретъ Аракчеева Саблуковъ въ своихъ запискахъ:

„По наружности Аракчеевъ похожъ на большую обезьяну въ мундирѣ. Онъ былъ высокъ ростомъ, худощавъ и жилистъ; въ его складѣ не было ничего стройнаго, такъ какъ онъ былъ очень сутуловатъ и имѣлъ длинную тонкую шею, на которой можно было бы изучать анатомію жилъ, мышцъ и т. п. Сверхъ того, онъ какъ то судорожно морщилъ подбородокъ. У него были большія мясистыя уши, толстая безобразная голова, всегда наклоненная въ сторону; цвѣтъ лица его былъ не чистъ, щеки впалыя, носъ широкій и угловатый, ноздри вздутыя, ротъ большой, лобъ нависшій. Чтобы дорисовать его портретъ,—у него были впалые сѣрые глаза и все выраженіе его лица представляло странную смѣсь ума и злости".

Несмотря на столь непрезентабельную наружность, Аракчеевъ былъ страстный охотникъ до прекраснаго пола. Ни одно хорошенькое женское личико не ускользало отъ сластолюбиваго взора этого чудовища. Онъ покупалъ хорошенькихъ крестьянокъ и никогда не упускалъ случая полакомиться прелестями какой нибудь интересной просительницы. А такихъ во время могущества Аракчеева было

много, и любовныя связи Аракчеева были безчисленны. Но это не было результатомъ горячей натуры, пылкаго темперамента, полнаго крови здоровья. Сластолюбіе Аракчеева носило всѣ признаки холоднаго, почти болѣзненнаго разврата, неустанно поддерживаемаго растлѣннымъ и грязнымъ воображеніемъ.

Въ Грузинѣ у Аракчеева была библіотека, сплошь порнографическаго характера. Одни заглавія книгъ полуграмотнаго „истинно-русскаго неученаго дворянина", — какъ чванливо называлъ себя Аракчеевъ, — могутъ дать понятіе о литературныхъ вкусахъ временщика. „Любовники и супруги или мужчины и женщины, и то, и сіе"... „Нѣжныя объятія въ бракѣ и потѣхи съ любовницами"... Замѣчательно, что наряду съ этой соблазнительно игривой литературой, въ библіотекѣ Аракчеева попадались книги сентиментально-благочестиваго направленія: „О воздыханіи голубицы и пользѣ слезъ", „Сѣятель благочестія" и т. п. Развратъ и лицемѣрное благочестіе сплошь и рядомъ идутъ рука объ руку.

Библіотека дополнялась своеобразной коллекціей живописи. Въ Грузинѣ на островѣ, окруженномъ прудами, Аракчеевъ выстроилъ уединенный павильонъ. Въ его отсутствіе этотъ павильонъ былъ на строго закрытъ. Только избраннымъ друзьямъ графъ показывалъ внутренность этого таинственнаго убѣжища. Стѣны здѣсь были украшены зеркалами, снабженными особаго устройства механизмомъ съ пружинами. Пружины нажимались,

зеркала откидывались, и взорамъ посѣтителя открывались картины самаго непристойнаго содержанія, расчитаннаго на самую грубую и развращенную чувственность. Таковы были эстетическія наслажденія временщика.

Въ 1806 году Аракчеевъ женился. Въ это время ему было уже болѣе сорока лѣтъ; легко представить себѣ, какова должна была быть наружность сорокалѣтняго развратника, смолоду отличавшагося феноменальнымъ безобразіемъ. Но въ выборѣ невѣсты Аракчеевъ лишній разъ показалъ, что у него губа не дура: женою его сдѣлалась восемнадцатилѣтняя красавица Наталья Өедоровна Хомутова, нѣжное, кроткое, слабое и чистое существо. Это былъ поистинѣ бракъ бабочки съ тарантуломъ. Бракъ этотъ былъ, разумѣется, несчастнѣйшимъ бракомъ. Аракчеевъ не оставилъ своихъ привычекъ стараго сатира: попрежнему его связи считались десятками; на каждомъ шагу, открыто и грубо, онъ измѣнялъ женѣ, требуя, однако, отъ нея безусловной вѣрности и преданности. Онъ былъ достаточно уменъ, чтобы не обманываться насчетъ тѣхъ чувствъ, которыя онъ способенъ былъ внушить своей молоденькой женѣ, и съ первыхъ же дней брака *сталъ* мучить ее ревностью и подозрѣніями. И ревность, и подозрѣнія онъ высказывалъ съ тою грубостью, съ которой онъ дѣлалъ все, не стѣсняясь ничьимъ присутствіемъ: въ домашней жизни, какъ и на плацъ парадѣ, онъ оставался все тѣмъ же грязнымъ и грубымъ гатчинскимъ капраломъ. Если въ домѣ его, въ присутствіи Натальи Өедоровны появлялся

молодой мужчина, Аракчеевъ непремѣнно принимался плоско подшучивать надъ тѣми грѣховными мыслями, какія, по его мнѣнію, должны были роиться въ воображеніи молодой женщины. Шуточки его при этомъ были всегда болѣе или менѣе заборнистаго или заборнаго характера и заставляли глубоко страдать кроткую Наталью Ѳедоровну. Современникъ Аракчеева И. С. Жиркевичъ передаетъ одну сцену, живо рисующую манеру графа обращаться съ женой.

У Аракчеева былъ обѣдъ, на который попалъ и Жиркевичъ, молодой красивый офицеръ, котораго Александръ I шутливо называлъ купидономъ. Аракчеевъ благоволилъ Жиркевичу, но присутствіе за однимъ столомъ Натальи Ѳедоровны и молодого человѣка непремѣнно наводило графа на представленія грязнаго свойства. На этотъ разъ онъ былъ въ особенно веселомъ и солдатски-остроумномъ настроеніи духа.

Во время обѣда онъ неожиданно обратился къ Натальѣ Ѳедоровнѣ съ гнусной усмѣшкой:

— Вотъ, матушка, ты все хочешь ѣздить, кататься, гулять. Рекомендую тебѣ въ кавалеры адъютанта моего „Журкевича“.

— Что же,—отвѣчала графиня, не понимая гнуснаго тона своего супруга,— я совершенно увѣрена, что г. Жиркевичъ не отказалъ бы мнѣ въ этомъ, если бы я его попросила.

— Хорошо, если ты будешь просить,—сказалъ графъ.—Онъ еще самъ *не проситъ*. Ребенокъ еще.

А, впрочемъ, и теперь не клади палецъ ему въ зубы—откуситъ.

Графиня сконфузилась и покраснѣла. Эти сцены повторялись изо-дня въ день и отравляли существованіе бѣдной женщины. Она была достаточно кротка и терпѣлива, чтобы вынести многое, и очень возможно, что этотъ союзъ бабочки съ паукомъ протянулся бы долгое время, еслибъ не отвратительная похотливость графа оскорблявшая женское и человѣческое достоинство жены. Наталья Θедоровна вытерпѣла годъ. Нужно сказать, что бракъ этотъ былъ заключенъ съ особаго благословенія императора Александра I. Въ день свадьбы Наталья Θедоровна получила фрейлинскій шифръ, а непосредственно за вѣнчаніемъ, на которомъ присутствовалъ самъ государь, ей былъ пожалованъ Екатерининскій орденъ 2 й степени. И Наталья Θедоровна имѣла все основанія надѣяться, что бракъ ея, начавшійся при такихъ счастливыхъ обстоятельствахъ, будетъ счастливъ. И она терпѣла, пока могла. Но первый же годъ исчерпалъ ея терпѣніе.

Въ 1807 г., отъѣзжая изъ Петербурга въ армію, Аракчеевъ далъ своимъ людямъ приказаніе слѣдить за тѣмъ, чтобы графиня не выѣзжала въ нѣкоторые дома. Съ обычной своей грубой безцеремонностью онъ счелъ за лишнее предупредить объ этомъ распоряженіи самое графиню, отдавъ ее подъ опеку и надзоръ лакеевъ. Однажды, садясь въ карету, Наталья Θедоровна приказала кучеру ѣхать, назвавъ при этомъ какой-то адресъ: одинъ изъ

лакеевъ, услышавъ приказъ, подскочилъ къ каретѣ и доложилъ:

— Нельзя-съ! Графомъ сдѣлано запрещеніе туда ѣздить!

Это переполнило чашу терпѣнія. Съ трудомъ сдержавъ негодованіе, графиня спокойно приказала кучеру ѣхать на Васильевскій островъ, къ своей матери, и оттуда уже домой не вернулась.

Когда, по окончаніи кампаніи, Аракчеевъ вернулся въ Петербургъ, онъ немедленно бросился къ тещѣ. Но Наталья Өедоровна была непреклонна. Втеченіе двухъ недѣль Аракчеевъ ежедневно ѣздилъ къ женѣ на Васильевскій островъ, иногда даже по два раза въ день. И пауку едва не удалось вновь захватить бабочку. Кроткая Наталья Өедоровна поддалась на уговоры мужа и согласилась было вернуться къ нему. Супруги сѣли въ карету и поѣхали въ домъ Аракчеева. Они оставили уже за собою Васильевскій островъ, проѣхали Исаакіевскій мостъ, еще нѣсколько минутъ, и они вновь были бы подъ одной кровлей. Но здѣсь, повидимому, молодую женщину охватило непобѣдимое отвращеніе. Неизвѣстно, что происходило въ каретѣ, какъ и о чемъ говорили эти столь непохожіе другъ на друга люди. Но вдругъ карета остановилась. Аракчеевъ вышелъ изъ нея и отправился домой пѣшкомъ, одинъ. Наталья Өедоровна вернулась къ матери, на этотъ разъ уже безвозвратно.

Такъ плачевно окончилась семейная жизнь Аракчеева. Онъ, впрочемъ, горевалъ недолго и не особенно. Еще задолго до женитьбы, одна изъ гру

нскихъ крестьянокъ сумѣла крѣпко приворожить афа. Поклонникъ грубой чувственности, онъ, какъ говорили уже, не пропускалъ почти ни одной азливенькой крестьянки. Но одной изъ нихъ алось такъ крѣпко привязать къ себѣ страшна- господина, что связь эта сохранилась втеченіе adцати шести лѣтъ.

Эта женщина была Настасья Өедоровна Мин- на.

V.

Откуда родомъ была Настасья Минкина и какъ знакомилась она съ Аракчеевымъ, разные исто- ческіе источники говорятъ разно. По разсказу ричевскаго, Настасья была женою грузинскаго жика, кучера. Когда Аракчеевъ удостоилъ ее имъ вниманіемъ, она стала относиться къ своему онному, но простоватому супругу очень неми- тиво: за каждую выпивку, за каждый просту- ъ, его водили на конюшню и драли. Однако сказы мѣстныхъ мужичковъ представляютъ все о иначе. Грузинскіе старики обыкновенно такъ ясняялись насчетъ происхожденія любовницы ашнаго графа:

— А Богъ ее вѣдаетъ, откуда она проявилась, ая. Только не изъ нашего села была, а даль- откуда то изъ за Москвы. Въ своемъ то мѣстѣ, ь сказываютъ, спервоначала просто овчаркой а, овецъ, значитъ, пасла.

апосля, какъ графъ ее купилъ, такъ туманъ него напустила и въ такую силу попала, что приведи Господи!“

Изъ большинства разсказовъ о Настасьѣ я
одно: что она была гдѣ-то куплена Аракчеевы
Отецъ ея былъ кажется, цыганъ, и это сил
сказывалось въ наружности и темпераментѣ
стасьи. Она была въ полномъ блескѣ своей
лодости и красоты, когда Аракчеевъ купилъ
Ея портретъ, сдѣланный художникомъ Матю
нымъ, не даетъ того представленія о ея нар
ности, какое складывается по разсказамъ вид
шихъ ее современниковъ. У ней были черные, к
смоль волосы, черные глаза, полные страсти
огня, смуглое, сильное, стройное тѣло. Никто, сп
нѣе ея, не могъ бы подѣйствовать на сладост
стную натуру Аракчеева. Онъ влюбился въ нее б
памяти.

Настасья была не только хороша своей женс
прелестью. Помимо этого, она несомнѣнно облад
незауряднымъ умомъ и большимъ умѣньемъ уга
вать слабыя стороны людей. Она превосходно
скусила характеръ желѣзнаго временщика, каз
шійся многимъ загадочнымъ и сложнымъ и ум
искусно наигрывать на различныхъ его свойства
Она легко изучила всѣ вкусы и привычки сво
барина, угадывала и предупреждала всѣ его
ланія, и сумѣла стать ему совершенно необходим

Настасья получила званіе экономки на м
Аракчеева, и въ этой должности показала себя
самой похвальной, съ точки зрѣнія Аракчеева, с
роны. Во всемъ хозяйствѣ, путемъ невѣроятн
жестокостей надъ подвластными людьми, велся сам
строгій и образцовый порядокъ, приводившій бар

въ полное восхищеніе. Настасьѣ было назначено большое жалованье, и скоро она вошла въ такую силу, завоевала такой авторитетъ, о какомъ кроткой графинѣ Натальѣ никогда нельзя было и мечтать. И въ селѣ Грузинѣ, главной вотчинѣ временщика, его любовница играла большую роль. Генералы и сановники, пріѣхавшіе въ Грузино на поклонъ царскому любимцу, цѣловали ей руки, безконечно льстили, заискивали ея милостей, служили ей шпіонами и доносчиками, дарили ей дорогіе кружева, серьги, браслеты, а по отъѣздѣ писали любезнѣйшія письма.

Настасья жила въ особо выстроенномъ для нея изящномъ флигелѣ съ наружной рѣзьбой и зеркальными стеклами: это было лучшее зданіе въ Грузинѣ, гдѣ всѣ остальныя постройки соотвѣтствовали капральскому вкусу Аракчеева, всѣ были сдѣланы на одинъ казарменный образецъ и выкрашены классической желтой краской. Флигель Настасьи получилъ нѣжное названіе розоваго домика. Здѣсь бывалъ и даже милостиво пивалъ чай самъ государь Александръ Павловичъ, начавшій (послѣ Тильзитскаго мира съ Наполеономъ, сильно охладившаго общество къ Александру) снова замѣтно отличать и возвышать Аракчеева.

Окрестное грузинское населеніе никакъ не могло взять въ толкъ эту любовь могущественнаго вельможи къ бывшей овчаркѣ. И вокругъ „розоваго домика“ стали складываться легенды, отзвукъ которыхъ жилъ долго въ народныхъ глубинахъ Новгородской губерніи. Мужчины объясняли при-

страстіе графа къ „быстроглазой“ Настасьѣ ея колдовствомъ и волшебствомъ, а ее самое представляли не иначе, какъ вѣдьмой и колдуньей. Разсказывали, будто у Настасьи есть какая то особенная собака, которая можетъ сдѣлать все, что Настасья захочетъ. Говорили, что нѣкоторые изъ довѣренныхъ ей мужиковъ собирали тайно, по ея указанію, разныхъ какихъ то гадовъ, которыхъ она послѣ варила, а варево употребляла для ворожбы. А иные положительно утверждали, что къ Настасьѣ по ночамъ леталъ змѣй и нашептывалъ ей что то на ухо. Она умѣла предсказывать будущее.

Вплоть до недавняго времени среди грузинскихъ крестьянъ жива была легенда, живая, быть можетъ, и до сихъ поръ: „разъ какъ то Аракчеевъ собрался ѣхать изъ Грузино въ округъ на смотръ войска. Настасья объявила, что ему угрожаетъ опасность. Графъ поблѣднѣлъ и спросилъ: „какая же опасность? Развѣ ты что нибудь знаешь?“ „Отецъ мой, графъ,—сказала она таинственно, васъ хотятъ сегодня убить“... Тутъ она сказала, что въ такомъ то ряду, у такого то солдата ружье будетъ заряжено. И такъ объявила, такъ на провѣрку и вышло. Ну, и сталъ послѣ того Аракчеевъ любить ее пуще отца и матери, пуще всего на свѣтѣ“.

Кое что въ подобныхъ разсказахъ имѣло свои основанія. Настасья всегда была окружена толпой наушниковъ и шпіоновъ и благодаря имъ всегда отлично знала, что дѣлается не только въ Гру-

знѣ, но и въ Петербургѣ. Она искусно скрывала истинныя средства своей освѣдомленности, и Аракчеевъ иногда серьезнѣйшимъ образомъ почиталъ ее чуть ли не ясновидящей. Невѣжественный капралъ, онъ былъ глубоко суевѣренъ. И это его свойство сумѣла использовать хитрая цыганка. Однажды къ Аракчееву, находившемуся въ военныхъ поселеніяхъ, явилась таинственная богомолка; странствующая монахиня была принята Аракчеевымъ и пророческимъ тономъ возвѣстила ему:

— Береги Настасью! Пока она жива, и ты счастливъ, а съ ея смертью и счастье твое кончится!

Конечно, богомолка была подослана Минкиной. Этими способами Настасья умѣла сильно дѣйствовать на темное и суевѣрное воображеніе Аракчеева. Онъ все болѣе привязывался къ ней. Аракчеевъ зналъ, какъ много онъ нажилъ заклятыхъ враговъ, и будучи отъ природы трусомъ, онъ вѣчно боялся отравы. Въ предупрежденіе этого Настасья во всѣхъ отъѣздахъ снабжала его съѣстными припасами собственнаго приготовленія и вишневой настойкой.

Интересны письма Настасьи къ своему сіятельному любовнику. Изъ нихъ видно, что несмотря на свою несомнѣнную власть надъ Аракчеевымъ, Настасья вѣчно тревожилась за прочность своего положенія. Она слишкомъ хорошо знала похотливо-распущенный нравъ своего господина, знала о его петербургскихъ и иныхъ увлеченіяхъ и

опасалась, какъ бы другая женщина не отбила у ней могущественнаго любовника. Она ревновала графа и высказывала это въ своихъ письмахъ:

„Любезный мой отецъ графъ,—писала она въ одномъ письмѣ,—сколь ваше милое письмо обрадовало—какъ вы ко мнѣ милостивы. Ахъ, душа, дай Богъ, чтобы ваша любовь была такова, какъ я чувствую къ вамъ, единъ Богъ видитъ ее. Вамъ не надобно сомнѣваться въ своей Н., которая каждую минуту посвящаетъ вамъ. Скажу, другъ мой добрый, что часто въ васъ сомнѣваюсь, но все вамъ прощаю; что дѣлать, что молоденькія берутъ верхъ надъ дружбою? Но ваша слуга Н. все будетъ до конца своей жизни одинакова. Дай Богъ видѣть въ вашемъ миломъ Грузинѣ. Одно утѣшеніе васъ успокаивать. О, другъ! Сколь любовь мучительна! почти три дня еще ожидать васъ“!..

Если мы вспомнимъ, что Настасья была простой „овчаркой“, а потомъ попала въ услуженіе къ совершенно невѣжественному капралу, то этотъ замысловато сентиментальный стиль письма покажется намъ чѣмъ то невѣроятнымъ. Откуда едва грамотная Настасья могла набраться этого литературнаго краснорѣчія, совершенно въ духѣ общаго сентиментальнаго направленія той эпохи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ очень простъ.

Въ своихъ письмахъ къ Аракчееву Настасья неизмѣнно рисуется какъ образецъ вѣрной, преданной, беззавѣтно любящей женщины. Ничего подобнаго на дѣлѣ, конечно, не было. Невозможно

ыло бы допустить, чтобы молодая, страстная, гненная, съ чисто-восточнымъ темпераментомъ енщина могла довольствоваться ласками преждеременно состарѣвшагося графа Разумѣется, она бманывала его постоянно. Между лицами, слуившими при Аракчеевѣ въ Грузинѣ, современики называли кое-кого, кто въ отсутствіе Аракчеева пользовался уже непритворными ласками Настаьи. И есть всѣ основанія думать, что тѣ исполенныя нѣжной любви и сердечной привязанности исьма, которыя Настасья посылала графу, писались ѣмъ или другимъ ея любовникомъ подъ непоредственнымъ впечатлѣніемъ ея горячихъ ласкъ.

Одинъ изъ современниковъ Аракчеева, Отто азсказываетъ, что въ отсутствіе Аракчеева во лигелѣ Настасьи происходили безобразныя сцены амаго широкаго разгула, и шампанское лилось ѣкою и пилось ковшами. Эти кутежи устраивала астасья на собственныя деньги, пріобрѣтавшіяся утемъ безчисленныхъ взятокъ и вымогательствъ. апр., грузинскій голова Ив. Дмитріевъ, за коорымъ водились разные грѣшки, поневолѣ потворствовалъ шалостямъ и прихотямъ Настасьи и отно снабжалъ ее большими суммами денегъ. днажды онъ попробовалъ отказать. Она сумѣла аправить на него Аракчеева; несчастный голова олучилъ пятьдесятъ ударовъ и былъ сосланъ въ ибирь на поселеніе, а его крупное имѣніе конисковано.

Однако, это безграничное господство надъ сердемъ графа не могло совершенно разсѣять опа-

сенiй Минкиной за свою будущность. Она все боялась, что съ годами страсть Аракчеева можетъ охладѣть, и мечтала о болѣе прочныхъ и неразрывныхъ узахъ. Она старалась забеременѣть, но оставалась безплодной, несмотря на всѣ усилiя. Тогда она составила цѣлый планъ и ловко привела его въ исполненiе. Частыя и продолжительныя отлучки Аракчеева помогли ей какъ нельзя лучше.

Одна изъ крестьянокъ дальней деревни Лукьяновой забеременѣла. Настасья черезъ преданную ей старуху Агафонину завела съ этой крестьянкой переговоры о томъ, чтобы взять ея младенца къ себѣ на воспитанiе. Бѣдная крестьянка согласилась. Тогда Минкина распустила слухъ о своей беременности и сумѣла разыграть эту роль съ чудеснымъ искусствомъ: напр., она носила подушку постепенно набивая ее. Когда у крестьянки родился мальчикъ, его вмѣстѣ съ матерью тайно доставили въ Грузино, и тотчасъ былъ распущенъ слухъ о благополучномъ разрѣшенiи Настасьи отъ бремени. Мать мальчика была оставлена при ребенкѣ въ качествѣ кормилицы, а предварительно на виду у всѣхъ былъ похороненъ пустой гробикъ, въ которомъ предполагался умершiй сынъ „кормилицы“.

Планъ удался отлично. Аракчеевъ былъ въ полномъ восторгѣ отъ рожденiя давно ожидаемаго потомства. Мальчика назвали Михаиломъ Андреевичемъ и дали фамилiю Шумскiй.

Любовь Аракчеева къ Настасьѣ еще возросла послѣ „рожденiя“ сына. Онъ рядилъ ее, какъ

любимую куклу, возилъ въ щегольскомъ экипажѣ. Въ народѣ уже стали называть ее прямо графиней. Несмотря на свою баснословную скупость. Аракчеевъ положилъ въ банкъ на имя своей возлюбленной двадцать четыре тысячи рублей, причемъ сама она была записана въ купчихи.

Судьба этого Шумскаго оказалась впослѣдствіи довольно плачевна. Мнимый сынъ Аракчеева прошелъ корпусъ, былъ камеръ-пажемъ, потомъ былъ выпущенъ прапорщикомъ въ гвардейскую конную артиллерію Но въ немъ сказались свойства, обманувшія его мнимыхъ родителей. Онъ пристрастился къ вину, наскандалилъ въ пьяномъ видѣ, былъ сосланъ во Владикавказъ. Потомъ бродяжилъ, былъ въ монастырѣ и, по однимъ разсказамъ, въ монастырѣ и умеръ, а по другимъ, кончилъ жизнь въ кабакѣ.

Теперь оставимъ на время возлюбленную Аракчеева и его сердечныя дѣла, расцвѣтшія въ періодъ его сравнительнаго отдаленія отъ политической арены. „Дней Александровыхъ прекрасное начало" оканчивалось; между молодымъ государемъ и обществомъ наступало все болѣе и болѣе замѣтное взаимное охлажденіе. И по мѣрѣ этого охлажденія, около царскаго трона все явственнѣе и грознѣе вырисовывалась тѣнь грознаго временщика, покрывшая мало по мало всю Россію.

VI.

Впервые послѣ опалы Аракчеевъ былъ вызванъ государемъ въ Петербургъ еще въ апрѣлѣ 1803

года. Императоръ Александръ осыпалъ его свидѣтельствами своего вниманія и расположенія, но еще не торопился его возвышеніемъ, ограничиваясь пока личной, неоффиціальной близостью.

Аракчеевъ вновь былъ назначенъ инспекторомъ артиллеріи—единственный постъ, гдѣ онъ могъ принести и дѣйствительно принесъ настоящую пользу. Онъ въ сравнительно короткое время довелъ архаическую русскую артиллерію до того состоянія, которое впослѣдствіи оцѣнилъ даже величайшій изъ артиллеристовъ—великій Наполеонъ

Между тѣмъ начались первыя, неудачныя, коалиціонныя дѣйствія противъ Бонапарта. Здѣсь не мѣсто описывать ихъ подробно. Напомнимъ лишь читателю, что всѣ военныя предпріятія наши противъ Наполеона, вплоть до Тильзитскаго мира, были рядомъ почти непрерывныхъ неудачъ. Русскія войска, дѣйствовавшія въ союзѣ съ Австріей и Пруссіей, были неоднократно разбиты великимъ корсиканцемъ. И со дня на день въ русскомъ обществѣ росло возмущеніе противъ „врага рода человѣческаго“, сбивавшаго съ европейскихъ монарховъ короны, какъ будто онѣ были не болѣе, какъ маковыя головки. Послѣ цѣлаго ряда неудачъ русская армія и русское общество пылали гнѣвомъ и жаждали мести. Святѣйшій Синодъ опубликовывалъ посланія, въ которыхъ прямо объявлялъ Наполеона антихристомъ и призывалъ къ борьбѣ съ нимъ, какъ къ самому богоугодному и христіанскому дѣлу.

И вдругъ надъ Россіей прокатилась вѣсть о

свиданіи Александра и Наполеона въ Тильзитѣ. Русскій императоръ, только что сражавшійся съ „антихристомъ“ пораженіе на полѣ брани, не только заключалъ съ „антихристомъ“ миръ, но вступалъ съ нимъ въ тѣсный союзъ, сопровождавшійся множествомъ невыгодныхъ обязательствъ со стороны Россіи.

Въ обществѣ воцарилось недоумѣніе; потомъ поднялся почти открытый ропотъ. Еще недавно всѣ звали славнаго корсиканца не иначе, какъ Бонапарте, злодѣй, врагъ рода человѣческаго, антихристъ. Теперь, послѣ Тильзита, не стало ни Бонапарте, ни злодѣя, а былъ Его Величество Наполенъ I, императоръ французовъ, братъ и союзникъ Александра I-го! Эта внезапная перемѣна ударила разомъ и по національному достоинству, и по религіозному чувству: союзъ съ человѣкомъ, котораго самъ синодъ объявилъ антихристомъ, казался величайшимъ грѣхомъ и соблазномъ.

Союзъ этотъ имѣлъ не только нравственныя послѣдствія: онъ самымъ чувствительнымъ образомъ задѣвалъ матеріальное благосостояніе Россіи, и особенно больно билъ по карману купечество. Дѣло въ томъ, что однимъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ Тильзитскаго договора было присоединеніе Россіи къ такъ называемой „континентальной системѣ“, т.-е. прекращеніе всякихъ торговыхъ сношеній съ Англіей. Съ Англіей у насъ съ давнихъ поръ велась оживленная торговля, въ которой были заинтересованы не только купцы, но (—и едва ли не въ большей еще мѣрѣ) и русское

землевладѣльческое дворянство, только что наладившее вывозъ въ Англію хлѣба. Такимъ образомъ въ результатѣ континентальной системы, которой Неполеонъ хотѣлъ „пронять“ гордаго Альбіона, явилось полное разстройство русскихъ торговыхъ дѣлъ. Явилась общая дороговизна, дворянство и купечество терпѣли огромные убытки. Донимая богатую Англію, Наполеонъ еще больнѣе донималъ бѣдную Россію.

Все это соединилось вмѣстѣ: уязвленная національная гордость, религіозныя чувства и матеріальныя затрудненія. Ропотъ въ обществѣ усиливался со дня на день. Императору Александру предстояло одно изъ двухъ: либо идти на мировую съ обществомъ, или заткнуть ему ротъ, заставить его молчать. Александръ выбралъ второе, а для этого ему былъ необходимъ Аракчеевъ.

И вотъ въ январѣ 1808 года, по словамъ Жозефа де-Местра, „среди военной олигархіи любимцевъ вдругъ выросъ изъ земли, *безъ всякихъ предварительныхъ знаменій*, генералъ Аракчеевъ... Онъ сдѣлался военнымъ министромъ и облеченъ неслыханною властью... Онъ все давитъ. Передъ нимъ исчезли, какъ туманъ, самыя замѣтныя вліянія. Одинъ высокопоставленный военный человѣкъ говорилъ мнѣ намедни, что дѣло можетъ кончиться страшнымъ ударомъ со стороны кого либо изъ обиженныхъ... Но у русскихъ слишкомъ твердыя правила, чтобы убивать министровъ“.

Впрочемъ, еще мѣсяцъ назадъ, до назначенія Аракчеева военнымъ министромъ, состоялся Высо-

чайшій указъ, ставившій Аракчеева въ совершенно исключительное положеніе. „Объявляемыя генераломъ отъ артиллеріи графомъ Аракчеевымъ Высочайшія повелѣнія считать именными нашими указами“.

Оффиціально Аракчеевъ былъ только военнымъ министромъ. Неоффиціально онъ становился чѣмъ-то вродѣ великаго визиря, которымъ императоръ Александръ намѣревался «заслониться» отъ общественнаго недовольства.

„Въ настоящую минуту,—писалъ Жозефъ-де-Местръ, — порядокъ можетъ быть возстановленъ только человѣкомъ подобнаго закала. Остается объяснить, какъ Его Величество рѣшился завести себѣ визиря. Ничто не можетъ быть противнѣе его характеру и его системѣ: основное его правило состояло въ томъ, чтобы каждому изъ своихъ помощниковъ удѣлять лишь ограниченную долю довѣрія. Полагаю, что онъ захотѣлъ поставить рядомъ съ собой *пугало* пострашнѣе, по причинѣ внутренняго броженія, здѣсь господствующаго“.

Но Александръ все еще не рѣшался окончательно порвать съ конституціонными мечтами своей юности. Замѣчательно, что вмѣстѣ съ небывалымъ возвышеніемъ Аракчеева, съ 1808 по 1812 годъ шло возвышеніе Сперанскаго. Сдерживая общество желѣзной рукой Аракчеева, Александръ въ то же время тихомолкомъ работалъ со Сперанскимъ надъ составленіемъ различныхъ преобразовательныхъ проектовъ.

Аракчеева страшно бѣсила эта дружба импера-

тора со Сперанскимъ, „Преданный безъ лести" временщикъ не выносилъ соперничества у ступеней трона. Напуская на себя наружное смиреніе, отказываясь отъ орденовъ и отличій, подчеркивая свою безкорыстную личную любовь къ государю Аракчеевъ, однако, зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы милость государя не распространялась на кого нибудь другого. Со злобой и тоской слѣдилъ онъ за возвышеніемъ Сперанскаго; онъ понималъ, что вдвоемъ имъ не ужиться, что одинъ изъ нихъ долженъ уйти. Въ злобной и трусливой душѣ Аракчеева зарождались ужасныя опасенія за свою судьбу. Вдругъ либеральныя начала возьмутъ верхъ, и Сперанскій восторжествуетъ окончательно.

Но торжество Сперанскаго было непродолжительно. Какъ только подъ его опытной и практичной рукой неопредѣленныя либеральныя мечтанія Александра стали принимать видъ ясныхъ и краткихъ указаній, прямо ограничивающихъ прав монарха, Александръ испугался. Между нимъ и Сперанскимъ наступило охлажденіе, и съ этого момента участь Сперанскаго была рѣшена. Послѣ его паденія Аракчеевъ нѣсколько успокоился: его положеніе при императорѣ отнынѣ не будетъ поколеблено ничѣмъ.

Но и теперь онъ все съ той же злобной мнительностью слѣдилъ за всѣми проявленіями царскаго благоволенія къ кому бы то ни было. В 1812 году, въ началѣ отечественной войны императоръ Александръ Павловичъ пріѣхалъ въ Москву, призывая старое дворянство первопрестольной сто

ницы къ пожертвованіямъ на алтарь отечества. Въ присутствіи Аракчеева московскій главнокомандующій гр. Растопчинъ доложилъ императору, что московское дворянство и купечество пожертвовали деньгами тринадцать милліоновъ рублей на борьбу съ Наполеономъ и постановили выставить ополченіе въ 80 тысячъ человѣкъ.

Александръ, тронутый патріотической рѣчью Растопчина, горячо обнялъ и поцѣловалъ его.

Когда государь уѣхалъ, Аракчеевъ подошелъ къ Растопчину и съ кривой усмѣшкой поздравилъ его съ монаршей милостью и лаской. Потомъ помолчавъ и, смотря въ упоръ на Растопчина своимъ тусклымъ, свинцовымъ взглядомъ, сказалъ:

— *Меня* онъ никогда не цѣловалъ, хотя я служу ему съ тѣхъ поръ, какъ онъ царствуетъ.

И еще разъ посмотрѣвъ на Растопчина свинцовымъ, ничего добраго не обѣщающимъ взглядомъ, онъ вышелъ.

— Будьте увѣрены,—сказалъ Растопчину присутствовавшій при этой сценѣ Балашовъ,—будьте увѣрены, что Аракчеевъ никогда не забудетъ и не проститъ вамъ этого поцѣлуя.

И Балашовъ не ошибся. Послѣдствія подтвердили его предсказанія въ полной мѣрѣ...

Тѣсныя узы, связывавшія императора Александра съ Аракчеевымъ особенно окрѣпли во время войнъ 1812—14 годовъ. Всѣ распоряженія государя во время Отечественной войны проходили чрезъ руки Аракчеева. Въ тяжелые дни, когда Москва находилась подъ владычествомъ Наполеона, Александръ

мрачно заперся въ своемъ дворцѣ и никого не допускалъ къ себѣ, кромѣ Аракчеева. Весь заграничный походъ они провели не разлучаясь. Здѣсь кстати привести еще одну черту Аракчеевской физіономіи. Русскія войска, только что совершившія небывалую по трудности кампанію, достигли, наконецъ, Парижа. И здѣсь, вмѣсто заслуженнаго отдыха послѣ двухлѣтнихъ непосильныхъ трудовъ, послѣ геройства, которому дивился самъ Наполеонъ, —ихъ замучивали безъ всякой нужды безконечными строевыми ученіями. За каждую ничтожную оплошность побѣдителей Наполеона подвергали самымъ унизительнымъ наказаніямъ. Дѣло дошло до того, что однажды нѣсколько русскихъ офицеровъ были посажены на англійскую гауптвахту. Это вызвало взрывъ возмущенія въ боевомъ офицерствѣ, и Ермоловъ написалъ по этому поводу негодующее письмо великому князю Николаю Павловичу.

Душевное напряженіе, вызванное борьбой съ Наполеономъ, казалось, истощило всю нравственную энергію Александра и положило конецъ всѣмъ преобразовательнымъ стремленіямъ его молодыхъ лѣтъ. Парижъ произвелъ на него впечатлѣніе гнѣзда мятежа, разврата и „пагубы народной“. И отнынѣ во всякомъ проявленіи духа свободы и общественной самостоятельности Александру начинаютъ мерещиться заговоры, мятежи и кровавыя революціи. Это настроеніе искусно подмѣтилъ и искусно имъ воспользовался ловкій Меттернихъ, глава австрійскаго правительства. Его, главнымъ образомъ,

усиліями Александръ былъ вовлеченъ въ устройство знаменитаго „Священнаго Союза“, поставившаго своей задачей бороться со всѣми наслѣдіями французской революціи и поддерживать порядокъ во всей Европѣ.

Это былъ союзъ правительствъ противъ народовъ. Съ основаніемъ Священнаго Союза наступила тяжкая эпоха обще-европейской реакціи. Всякое свободное, смѣлое, правдивое слово подавлялось. Всякое проявленіе общественной жизни было придушено. Народы Европы, еще недавно восторженно привѣтствовавшіе Александра, какъ своего освободителя, и усыпавшіе его путь цвѣтами, теперь съ изумленіемъ увидѣли его въ роли самаго ревностнаго и могущественнаго оплота реакціи.

И въ Россіи отнынѣ наступаетъ тринадцатилѣтняя эпоха полнаго расцвѣта „Аракчеевщины“.

VII.

Настало время, о которомъ знаменитый исторіографъ Карамзинъ писалъ:

— У насъ теперь только одинъ вельможа— графъ Аракчеевъ. Богъ съ нимъ и со всѣми!..

„Графъ Аракчеевъ есть душа всѣхъ дѣлъ“,— говорилъ Ростопчинъ. Всѣ дѣла государственнаго управленія, не исключая даже духовныхъ, разсматривались и приготовлялись къ докладу въ кабинетѣ Аракчеева. Онъ сталъ единственнымъ министромъ; всѣ остальные сановники утратили всякое значеніе и всякое вліяніе на дѣла. Импе-

раторъ принималъ только одного Аракчеева, черезъ котораго восходили къ государю не только представленія всѣхъ остальныхъ министровъ, но даже, лишавшіяся вслѣдствіе этого всякаго значенія, мнѣнія Государственнаго Совѣта.

Соотвѣтственно этому возросло и прежде невыносимое высокомѣріе временщика. Достигнувъ предѣльныхъ высотъ власти, не опасаясь болѣе никого и ничего, бывшій гатчинскій капралъ дошелъ почти до помѣшательства, до маніи величія. Издѣвательство надъ людьми—безъ всякаго различія возрастовъ, чиновъ и положеній—стало его привычкой, непреодолимой потребностью. Современники этой эпохи говорятъ, что самые незлобивые люди теряли терпѣніе, будучи принуждены имѣть дѣло съ кичливымъ временщикомъ.

Оффиціальные пріемы у Аракчеева скоро пріобрѣли мрачную извѣстность. Уже одинъ внѣшній видъ его пріемной наводилъ холодъ и трепетъ на самыхъ неробкихъ людей. „Домъ, занимаемый Аракчеевымъ,—пишетъ Маевскій,—весьма похожъ на египетскія подземныя таинства... Вездѣ мистика, тишина; на всѣхъ физіономіяхъ страхъ. Всякій бѣжитъ отъ вопроса и отвѣта, всякій движется по мановенію колокольчика, и почти никто не открываетъ рта. Это тайное жилище султана, окруженнаго нѣмыми прислужниками“...

Съ четырехъ часовъ *ночи* начинали съѣзжаться къ Аракчееву министры и другіе сановники. Дежурный адъютантъ на докладъ графу о прибытіи кого либо изъ нихъ, не получалъ никакого от-

а. Это означало: „пусть ждетъ“. Нерѣдко случалось, что и на второй докладъ надменный временщикъ отвѣчалъ тѣмъ же презрительно вызывающимъ, нарочито-оскорбительнымъ молчаніемъ: „пусть еще подождетъ“... Наконецъ, иногда послѣ трехъ, четырехъ-часового ожиданія, въ кабинетѣ графа раздавался звонъ колокольчика, и графъ, обращаясь къ вошедшему адъютанту, гнусливо произносилъ: „позвать такого то!“ Сама аудіенція была достойна этихъ предварительныхъ мытарствъ. Чѣмъ болѣе кто оказалъ государству услугъ, чѣмъ большею пользовался милостью государя,—тѣмъ болѣе онъ подвергался грубостямъ высокомѣрнаго временщика.

Аракчеевъ какъ будто задался цѣлью развить въ подвластныхъ ему людяхъ привычку подавлять въ себѣ всякое чувство собственнаго достоинства. Гильденборгеръ разсказывалъ Фишеру, какъ ему пришлось однажды дожидаться пріема у Аракчеева:

„Ждалъ я какъ то въ пріемной у графа. Ждалъ часа два... Ну—молодъ былъ, дѣла было пропасть, вотъ я и сказалъ адъютанту: ахъ, скоро ли меня приметъ графъ? Адъютантъ входилъ къ графу и выходилъ, звали и того, и другого, а я — жду. Передъ обѣдомъ уже адъютантъ объявляетъ мнѣ, что его сіятельство приказалъ придти мнѣ на завтра въ 8 часовъ утра Пришелъ. Жду, жду... Въ 2 часа графъ проходитъ мимо со шляпой, не глядя на меня, ѣдетъ со двора; въ четыре часа возвращается, проходитъ мимо, не глядитъ на меня...

А я дошелъ почти до обморока. Слышу—сѣлъ обѣдать. Въ 6 часовъ приказываетъ мнѣ явиться завтра къ семи часамъ утра. Я смекнулъ, въ чемъ дѣло. Ѣду на другой день, взялъ въ карманъ корку хлѣба и нѣсколько мятныхъ лепешекъ. Опять жду, но уже спокойно. Наконецъ, въ 12 часовъ зовутъ меня къ графу. Когда я вошелъ въ кабинетъ, графъ говоритъ:

— Ну что, любезный? Привыкъ?..

Такимъ образомъ, пріемная временщика была обращена въ своего рода пыточной застѣнокъ. Но это оскорбительное ожиданіе было еще наименѣе чувствительной формой оскорбленій, которыя Аракчеевъ наносилъ всѣмъ, кому приходилось съ нимъ сталкиваться. Онъ, повидимому, не зналъ, не понималъ не только ласковыхъ, но просто вѣжливыхъ формъ обращенія. Когда только что назначенный начальникомъ старорусскаго военнаго поселенія генералъ Маевскій явился представиться Аракчееву, послѣдній встрѣтилъ его такимъ привѣтствіемъ:

— Я васъ не выбиралъ, а выбралъ государь. По мнѣ, выбери государь хоть козла, лишь бы не умничалъ, а дѣлалъ то, что я приказываю

Любая встрѣча, любой разговоръ съ Аракчеевымъ неминуемо оканчивался грубымъ ругательствомъ и оскорбленіями. Начиная разговоръ довольно спокойнымъ, гнусливымъ голосомъ, Аракчеевъ постепенно распалялся, все болѣе переходилъ въ бранный и оскорбительный тонъ.

При этомъ онъ багровѣлъ, глаза у него дѣла-

лись злыми, и онъ усиленно ковырялъ въ носу, что было обычнымъ признакомъ его гнѣвнаго состоянія.

Всеобщее молчаніе было отвѣтомъ на всѣ гнусныя выходки всевластнаго временщика. Исключенія были рѣдки. Главнокомандующій во время финляндской кампаніи Буксгевденъ не вытерпѣлъ дерзкой наглости Аракчеева, бывшаго тогда военнымъ министромъ, и отвѣтилъ ему рѣзкимъ письмомъ, исполненнымъ достоинства. Письмо Буксгевдена озадачило Аракчеева и прогремѣло по всей Россіи; его читали и переписывали во множествѣ экземпляровъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, въ надменности и высокомѣріи временщика было менѣе всего дѣйствительной силы характера. Это была просто разнузданность до нельзя зазнавшагося излюбленнаго холопа, сознающаго свою полную безнаказанность. По натурѣ Аракчеевъ былъ жалко трусливъ и неоднократно доказалъ свою трусость. Малѣйшая опасность заставляла его трепетать. Будучи большимъ охотникомъ до истязаній беззащитныхъ, способный при малѣйшемъ поводѣ проливать рѣки крови, Аракчеевъ за всю жизнь ни разу не рѣшился подвергнуть свою жизнь опасности. Во время Наполеоновскихъ войнъ, онъ любилъ вмѣшиваться въ дѣйствія и распоряженія полководцевъ, интриговалъ, клеветалъ, наушничалъ, но самъ никогда не показывался близко къ чертѣ непріятельскаго огня. Подъ Аустерлицемъ императору Александру вздумалось было поручить Арак-

чееву начальство надъ одной колонной, назначен ной въ дѣйствіе. Нужно было видѣть, до какоі степени струсилъ и растерялся этотъ жесточайшіі и равнодушнѣйшій къ чужимъ страданіямъ чело вѣкъ. Онъ пришелъ въ неописуемое волненіе и наконецъ, прямо попросилъ сложить съ него по ручeніе, такъ какъ у него черезчуръ „слабые нервы"... Низменная душа его обнаружилась въ этомъ случаѣ во всей своей неприкрытой урод ливости.

Такое же позорное малодушіе проявлялъ все могущій временщикъ всюду, когда ему прихо дилось встрѣчать неожиданный и твердый отпоръ. Генералъ Мертваго вступилъ въ должность гене ралъ-провіантмейстера и явился къ Аракчееву. По обыкновенію, Аракчеевъ встрѣтилъ его съ нестер пимой грубостью и заносчивостью и въ его при сутствіи приказалъ генералу Копьеву читать тол стую тетрадь, въ которой были изложены всѣ не достатки по провіантской части. Въ этихъ недо статкахъ Мертваго не былъ виноватъ, такъ какъ только что принялъ вѣдомство. Аракчеевъ пре красно зналъ это, но не поиздѣваться надъ но вымъ подчиненнымъ значило для него измѣнить себѣ самому. Когда Копьевъ кончилъ чтеніе, Арак чеевъ, злобно потупивъ глаза, прогнусавилъ:

— Если все это вѣрно, то я генералъ-провіант мейстера арестую!

Мертваго не сказалъ ни слова. Вернувшись домой, онъ тотчасъ написалъ государю прошеніе

объ отставкѣ и былъ немедленно вызванъ во дворецъ.

Каково же было его изумленіе, когда въ передней комнатѣ его встрѣтилъ самъ Аракчеевъ и сталъ „подлѣйшимъ образомъ просить у него прощенія и бранить себя за строптивый свой нравъ“.

„Но я,—разсказываетъ Мертваго,—продолжая увѣренія о неспособности моей къ должности, не соглашался оставить намѣреніе выдти въ отставку. Вскорѣ мы позваны были въ кабинетъ императора. Первое слово Государя было ко мнѣ:

— Скажите мнѣ причину, для чего просите отставки?

„Я отвѣчалъ, что должность, на меня возложенная, несоразмѣрна силамъ моимъ. Но государь возразилъ:

— Позвольте мнѣ знать способности ваши. Я знаю васъ по дѣламъ, и отъ вашихъ начальниковъ слышалъ похвальные о васъ отзывы. Затѣмъ обратясь къ Аракчееву, государь спросилъ его:

— Знаете ли кого достойнѣе и способнѣе къ занятію сей должности?

Тотъ, съ робкимъ видомъ, отвѣтилъ:

— Я, Ваше Величество, никого достойнѣе и способнѣе не знаю, и уже просилъ извиненія у Дмитрія Борисовича, а теперь при васъ прошу еще разъ.

„Говоря это, онъ мнѣ такъ низко поклонился, что мнѣ съ моимъ туловищемъ такъ бы не согнуться“...

Послѣ того, какъ Мертваго вышелъ отъ государя

Аракчеевъ продолжалъ заискивающе суетиться около него, приказывалъ принести ему шубу въ теплый корридоръ, требовалъ, чтобы Мертваго сѣлъ въ его карету, вообще унижался и подличалъ всячески. Конечно, Мертваго понималъ, что этого своего униженія Аракчеевъ не проститъ и при случаѣ отомститъ. Дѣйствительно, — пишетъ Мертваго,—съ тѣхъ поръ Аракчеевъ непрестанно ставилъ меня на пробу: мнѣ было ясно, что онъ хочетъ меня запутать и погубить".

Въ другой разъ крестьяне высоцкой волости послали къ государю депутатовъ съ жалобой на Аракчеева. Узнавъ объ этомъ, но не успѣвъ предупредить жалобщиковъ, Аракчеевъ призвалъ къ себѣ управляющаго высоцкой волостью Мартоса и выругалъ его „напропалую":

— Ты долженъ,—кричалъ онъ,—считать за честь, что служишь у меня! Аракчеевъ — первый человѣкъ въ государствѣ! Ты долженъ быть моей правой рукой, ты долженъ быть тамъ, какъ собака на цѣпи!

«Вдругъ, — разсказываетъ Мартосъ, — черезъ нѣсколько дней — полная перемѣна. Графъ кланяется извиняется, проситъ обѣдать, сердится, что мало ѣмъ, мало пью; проситъ, чтобы я продолжалъ службу, коей онъ всегда былъ доволенъ. Его ласки нисколько меня не удивили, онѣ только обнаружили его характеръ, хуже воробьинаго".

Дѣло объяснилось очень просто. Государь принялъ благосклонно депутатовъ и даже велѣлъ имъ выдать денегъ на обратный путь.

Но отпоръ Аракчееву проходилось встрѣчать въ самыхъ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ. Большинство трепетало и безмолвно склонялось предъ всемогущимъ временщикомъ. Лесть и угодничество самаго низкаго свойства распространились въ высшемъ русскомъ обществѣ, еще болѣе усиливая болѣзненное тщеславіе временщика.

Въ концѣ концовъ не льстить Аракчееву было невозможно: онъ, какъ стѣна, стоялъ между государемъ и всѣмъ остальнымъ міромъ. „Сожалѣю, — писалъ кн. Волконскій, что современемъ конечно, государь узнаетъ всѣ неистовства злодѣя, коихъ честному человѣку переносить нельзя: открыть же ихъ нѣтъ возможности по непонятному ослѣпленію государя къ нему“.

До какихъ предѣловъ доходило всемогущество Аракчеева, можно судить по слѣдующему случаю съ знаменитымъ писателемъ и исторіографомъ Карамзинымъ.

Въ 1816 году Карамзинъ пріѣхалъ въ Петербургъ для представленія императору первыхъ восьми томовъ своей „Исторіи Государства Россійскаго“. Долгое время исторіографъ тщетно ожидалъ высочайшей аудіенціи Императрицы, великіе князья и великія княгини осыпали его любезностями, восхищались чтеніемъ отрывковъ изъ его многолѣтняго труда, —но вопросъ объ аудіенціи не подвигался впередъ Карамзинъ, однако, слышалъ, что государь расположенъ принять его; но пріема все не было, и это приводило исторіографа въ великое смущеніе.

Наконецъ, онъ понялъ, въ чемъ дѣло. Историографу передали, что графъ Аракчеевъ выразилъ желаніе его видѣть. При этомъ надменный временщикъ саркастически замѣтилъ:

— Карамзинъ, видно, не хочетъ моего знакомства. Онъ пріѣхалъ сюда и даже не забросилъ ко мнѣ карточки.

Карамзину оставался только одинъ исходъ: пройти по тернистому пути, по которому шли всѣ. Скрѣпя сердце, Карамзинъ облачился въ мундиръ и отвезъ Аракчееву карточку. Тотчасъ онъ былъ приглашенъ къ временщику. Аракчеевъ встрѣтилъ его съ медвѣжьей ласковостью и даже отпустилъ такое подобіе комплимента:

— Учителемъ моимъ былъ дьячокъ, мудрено ли что я мало знаю? Мое дѣло исполнять волю государя. Еслибъ я былъ моложе, то сталъ бы у васъ учиться: теперь уже поздно.

Аракчеевъ высказалъ Карамзину надежду, что теперь государь его приметъ. Всемогущество временщика подтвердилось блистательнымъ образомъ: черезъ короткое время императоръ пригласилъ Карамзина и принялъ его чрезвычайно ласково.

Хожденіе къ временщику на поклоны стало обязательнымъ для всѣхъ, кто хотѣлъ пробраться къ государю или просто сколько нибудь преуспѣть по службѣ. Но хожденіе къ временщику было еще не самымъ оскорбительнымъ средствомъ добиться милости Аракчеева.

Въ Петербургѣ, наряду съ многочисленными мимолетными связями, у Аракчеева была прочная,

постоянная связь съ нѣкоей Пукаловой, Варварой Петровной, умной и образованной барыней, довольно легкихъ нравовъ. Благодаря связи съ Аракчеевымъ, эта особа играла очень видную роль во всѣхъ дѣлахъ высшаго чиновнаго Петербурга. По Петербургу ходила въ то время забавная пародія на евангельскія заповѣди блаженства, въ которой, между прочимъ, было такое „блаженство“:

„Блаженъ, черезъ Пукалову кто протекціи не искалъ“.

Жестокій и деспотичный, сибирскій губернаторъ Пестель пресмыкался передъ Пукаловой и только этимъ держался въ силѣ. Знаменитый партизанъ 12-го года Денисъ Давыдовъ писалъ Закревскому: „какимъ образомъ Вельяшевъ, который мостилъ сундуки свои червонцами, вымостилъ себѣ ленту. Неужель послужила къ сему та дорога, которую онъ намостилъ шалями для прохода Пукаловой къ Аракчееву?“

Тщеславіе Аракчеева питалось общимъ трепетомъ и подобострастіемъ, которые окружали его. Царедворцы такъ пресмыкались передъ нимъ, что смѣшно было смотрѣть.

Аракчеевъ былъ неглупымъ человѣкомъ. Но, несмотря на это, онъ способенъ былъ упиваться самой грубой и аляповатой лестью. То и дѣло онъ слышалъ около себя: „Всѣ удивляются вашему всеобъемлющему генію“... „Ваше сіятельство можете быть причислены къ феноменамъ нашего вѣка“. „Вашъ геній ставитъ васъ выше всѣхъ смертныхъ; если кого можно поставить въ

параллель съ вами, то развѣ только Меттерниха, Велингтона и Наполеона".

Слушая эту грубую и глупую лесть, Аракчеевъ таялъ отъ удовольствія. Въ концѣ концовъ, онъ, повидимому, самъ повѣрилъ въ то, что онъ исключительная, избранная личность, рожденная для общаго трепета и поклоненія. Онъ нарочно (чему, впрочемъ, содѣйствовала и его феноменальная скупость) пренебрегалъ всякой внѣшней пышностью, не носилъ орденовъ, ходилъ въ истрепанной фуражкѣ. Фишеръ рисуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ такую любопытную сценку.

Въ Петергофѣ былъ праздникъ тезоименитства императрицы Маріи Ѳеодоровны. Горѣла иллюминація. Площадь предъ петергофскомъ дворцомъ, противъ главнаго фонтана „Самсонъ" была залита массой народа.

Фишеръ, тогда восемнадцатилѣтній юноша, привелъ на праздникъ свою сестру, семнадцатилѣтнюю красавицу. Никогда доселѣ онъ не видѣлъ всемогущаго Аракчеева. Пробираясь къ болѣе удобному мѣсту, молодой человѣкъ и дѣвушка замѣтили у самыхъ перилъ какого то субъекта въ затасканной шинели и истрепанной военной фуражкѣ. Онъ стоялъ какъ то одиноко, а вокругъ него было довольно значительное пустое пространство. Молодой человѣкъ, не долго думая, двинулся съ сестрой къ свободному мѣсту. Вдругъ блестящій генералъ адъютантъ, стоявшій неподалеку отъ грязнаго старика, схватилъ Фишера за руку и сказалъ: „нельзя".

Старикъ въ этотъ моментъ обернулся, пристально посмотрѣлъ на дѣвушку и процѣдилъ сквозь зубы въ сторону генералъ-адъютанта:

— Оставь!

Тутъ только Фишеръ замѣтилъ блестящую свиту генераловъ, окружавшую заповѣдный кругъ, въ центрѣ котораго стояла фигура въ затрапезной шинели,—и догадался, что фигура эта—не кто иной, какъ самъ Аракчеевъ. Не стѣсняясь присутствіемъ генераловъ и публики, Аракчеевъ обернулся къ молоденькой красавицѣ и, глядя на нее въ упоръ, скрививъ ротъ, сталъ гнусливымъ голосомъ отпускать сальныя шуточки.

— Allons nous en! —(уйдемъ!), — успѣлъ прошептать сестрѣ растерявшійся Фишеръ.

Братъ и сестра поспѣшно удалились. Аракчеевъ смотрѣлъ имъ вслѣдъ съ цинично-насмѣшливой улыбкой.

Конечно, смыслъ этой затрапезной шинели и истрепаной фуражки былъ таковъ: „вотъ смотрите! Съ виду я похожъ на стараго солдата, а вы всѣ въ блестящихъ мундирахъ, лентахъ и орденахъ. Но я и въ старой солдатской шинели—первая персона не только на этомъ царскомъ праздникѣ, но и во всемъ государствѣ“.

И онъ былъ правъ. Всѣ назначенія на государственные посты зависѣли отъ Аракчеева. Онъ разставлялъ министровъ и сановниковъ, какъ шахматы на доскѣ. И всѣ его креатуры были достойны своего покровителя и, наравнѣ съ нимъ, вызывали острую ненависть общества. По указа-

нію Аракчеева, министръ юстиціи Трощинскій былъ замѣненъ кн. Лобановымъ-Ростовскимъ, про котораго одинъ современникъ выразился такъ:

— Не понимаю, какъ государь рѣшился вручить вѣсы правосудія разъяренной обезьянѣ, которая могла только кусать невпопадъ.

Аракчеевымъ же держался Пестель, ужасный правитель Сибири, ознаменовавшій свое правленіе неслыханными злоупотребленіями и страшной жестокостью... Ставленникомъ Аракчеева былъ полковникъ Шварцъ, замучившій гвардію до того, что при немъ вспыхнулъ знаменитый бунтъ Семеновскаго полка. И всѣ назначенія Аракчеева были таковы, что вызывали только безсильную ненависть и глухой ропотъ въ частной и военной общественной средѣ.

Аракчеева ненавидѣли, вѣроятно, больше, чѣмъ всѣхъ остальныхъ временщиковъ. Кн. Волконскій звалъ его не иначе, какъ „проклятымъ змѣемъ" или „неистовымъ извергомъ". Въ войскѣ его имя поносили и солдаты и офицеры; среди нихъ ходили пѣсни и стихи на Аракчеева самаго ругательнаго свойства. Въ провинціи Аракчеева считали людоѣдомъ. Самыя популярныя остроты, распространявшіяся въ обществѣ, были посвящены непремѣнно Аракчееву. Даже его знаменитый девизъ на графскомъ гербѣ „безъ лести преданъ" былъ передѣланъ такъ: „Бѣсъ, лести преданъ".

И несмотря на эту общую ненависть, дружба Аракчеева съ царемъ не колебалась. Напротивъ, она еще болѣе окрѣпла съ начала учрежденія зна-

менитыхъ военныхъ поселеній, составляющихъ самое темное пятно на всемъ царствованіи императора Александра I.

VIII.

Затѣя съ военными поселеніями была одна изъ тѣхъ затѣй, которыя предпринимаются, какъ говорится, „съ лучшими намѣреніями“ и которыя, тѣмъ не менѣе, не вносятъ въ народную жизнь ничего, кромѣ грубой и мучительной ломки. Идея военныхъ поселеній была: обратить крестьянъ въ солдатъ, а солдатъ въ крестьянъ. При этомъ крестьяне должны были оставаться крестьянами, становясь солдатами; а солдаты должны были стать крестьянами, оставаясь солдатами. Въ результатѣ, конечно, получился хаосъ, похожій на бредъ помѣшаннаго, и вся затѣя рухнула, успѣвъ, впрочемъ, принести русскому народу огромныя и безполезныя страданія. Иниціаторомъ предпріятія былъ императоръ Александръ, исполнителемъ Аракчеевъ.

Александру дѣло представлялось такъ. Военное поселеніе устраивалось затѣмъ, чтобы„, не увеличивая расходовъ казны на содержаніе арміи въ мирное время, имѣть на случай войны резервъ вполнѣ организованныхъ и обученныхъ войскъ, который могъ бы увеличить дѣйствующую армію въ нѣсколько разъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, устройствомъ военныхъ поселеній имѣлось въ виду улучшить матеріальное положеніе нижнихъ чиновъ, дать имъ возможность во время службы оставаться среди своихъ семействъ и заниматься земледѣліемъ, а на старость обезпечить имъ пристанище и кусокъ хлѣба,

Наконецъ, съ постепеннымъ развитіемъ военныхъ поселеній, предполагалось совершенно отказаться отъ чрезвычайно тяжелыхъ для населенія рекрутскихъ наборовъ, замѣнивъ ихъ денежнымъ налогомъ въ пользу поселенной арміи“ (А. Лыкошинъ).

Таковы были „лучшія намѣренія“ императора Александра I Заводилось нѣчто вродѣ швейцарской или сѣверо американской общенародной милиціи, съ одной только важной разницей: милиція только въ извѣстные промежутки отправляетъ военныя обязанности, не смѣшивая ихъ съ мирнымъ житейскимъ дѣломъ. А поселенная армія должна была круглый годъ нести всю солдатскую службу и въ то же время заниматься крестьянскимъ хлѣбопашнымъ трудомъ.

Въ уставѣ военныхъ поселеній, выработанномъ Аракчеевымъ, это совмѣщеніе въ одномъ лицѣ хлѣбопашца и солдата было выражено такъ: „фронтовой солдатъ можетъ быть вмѣстѣ и земледѣльцемъ, земледѣльческіе труды отнюдь не требуютъ ослабленія приличныхъ воину бодрости и осанки; и нельзя, равнымъ образомъ, ослабѣть при нихъ и въ воинской экзерциціи, имѣя на повтореніе еще *довольно времени* безъ всякаго разстройства для хозяйства“.

Устройство военныхъ поселеній началось съ лѣта 1816 года. Сначала было учреждено близъ Петербурга военное поселеніе для роты служителей Охтенскаго порохового завода. Осенью 1816 года изъ Петербурга былъ отправленъ въ Высоцкую волость Новгородской губерніи второй батальонъ гренадерскаго графа Аракчеева полка, и вся Высоцкая во-

лость была изъята изъ вѣдѣнія гражданскаго начальства. При этомъ всѣ мѣстные жители зачислялись въ нижніе чины. Къ концу царствованія императора Александра было поселено: по р. Волхову и близъ города Старой Руссы—18 полковъ пѣхоты, 3 артиллерійскихъ бригады и 1 саперный баталіонъ; въ Могилевской губ. 2 полка пѣхоты, въ слободско Украинской (Харьковской), Херсонской и Екатеринославской губ.—20 полковъ кавалеріи и въ Петербургской 3 роты Охтенскаго полка. И соотвѣтственное этому число крестьянъ-земледѣльцевъ были переведены въ солдатское званіе.

Аракчеевъ былъ съ самаго начала назначенъ главнымъ начальникомъ всѣхъ военныхъ поселеній. Круглый невѣжда изъ дворянскихъ неучей, не имѣвшій никакого понятія о характерѣ и бытовыхъ особенностяхъ русскаго народа, онъ безъ колебаній возмѣстилъ отсутствіе этого знанія грубой казарменной прямолинейностью. Вся привычная народная жизнь была обречена на сломъ. Личность при этомъ совершенно не принималась во вниманіе: личностей не было,—были оловянные солдатики, съ которыми можно было дѣлать что угодно.

Знаменитый сатирикъ Салтыковъ нарисовалъ въ своей „Исторіи одного города“ ужасающую картину бреда, созданнаго казарменнымъ помѣшательствомъ Угрюмъ-Бурчеева, т.-е. Аракчеева. Въ этомъ сатирическомъ и, конечно, каррикатурномъ изображеніи всѣ характерныя черты военно-поселенческой затѣи схвачены съ такой вѣрностью и силой, что мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь

отрывокъ изъ безсмертнаго произведенія сатирика:

„Вотъ въ какой приблизительно формѣ представлялся Угрюмъ-Бурчееву тотъ городъ, который онъ вознамѣрился возвести на степень образцоваго.

Посрединѣ — площадь, отъ которой радіусами разбѣгаются во всѣ стороны улицы, или, какъ онъ мысленно называлъ ихъ,—роты. По мѣрѣ удаленія отъ центра роты пересѣкаются бульварами, которые въ двухъ мѣстахъ опоясываютъ городъ и въ то же время представляютъ защиту отъ внѣшнихъ враговъ... Ни рѣки, ни ручья, ни оврага, ни пригорка—словомъ ничего такого, что могло бы служить препятствіемъ для вольной ходьбы, онъ не предусмотрѣлъ. Каждая рота имѣетъ шесть саженъ ширины—не больше и не меньше. Всѣ дома окрашены свѣтло-сѣрою краской, и хотя въ натурѣ одна сторона улицы всегда обращена на сѣверъ или востокъ, а другая на югъ или западъ, но даже и это упущено было изъ вида, а предполагалось, что и солнце, и луна всѣ стороны освѣщаютъ одинаково и въ одно и то же время дня и ночи...

Въ каждомъ домѣ живутъ по двое престарѣлыхъ, по двое взрослыхъ, по двое подростковъ и по двое малолѣтковъ, при чемъ лица разныхъ половъ не стыдятся другъ друга. Одинаковость лѣтъ сопрягается съ одинаковостью роста. Въ нѣкоторыхъ ротахъ живутъ исключительно великорослые, въ другихъ—исключительно малорослые. Въ каждомъ домѣ находится по экземпляру каждаго полезнаго животнаго мужскаго и женскаго пола, которыя обязаны, во-первыхъ, исполнять свойственныя имъ ра-

боты и, во-вторыхъ, размножаться. На площади сосредоточиваются каменныя зданія, въ которыхъ помѣщаются общественныя заведенія, какъ-то: присутственныя мѣста и всевозможные манежи: для обученія гимнастикѣ, фехтованію и пѣхотному строю, для принятія пищи, для общихъ колѣнопреклоненій и проч. Присутственныя мѣста называются штабами, а служащіе въ нихъ—писарями. Школъ нѣтъ, и грамотности не полагается; наука числъ преподается по пальцамъ. Нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго, а потому лѣтоисчисленіе упраздняется".

Было бы ошибкой думать, что великій сатирикъ что нибудь слишкомъ преувеличилъ или сгустилъ краски въ этой картинѣ Бурчеевскаго бреда. Именно таковы были планы, проводившіеся въ жизнь Аракчеевымъ съ желѣзной настойчивостью. Въ нихъ также отсутствовало представленіе о живыхъ людяхъ, о живой жизни, которую невозможно втиснуть въ разъ навсегда законченныя и застывшія формы. Точно такъ же, Аракчеевъ не расчитывалъ ни на особенности прошедшаго, ни на развитіе будущаго: вся жизнь должна была разъ и навсегда принять эти застывшія казарменныя формы и въ такомъ видѣ остаться навсегда.

Съ самаго начала при устройствѣ поселеній обнаружилась полная безжизненность затѣи, начался хаосъ. Самый выборъ мѣстностей оказался роковымъ. Въ Новгородской губерніи выбрали мѣста, покрытыя старымъ порченымъ лѣсомъ, съ обширными и глубокими болотами, почти непригодными для обработки. Въ Могилевской губерніи выбрали

обширную волость, оттуда массу людей переселили въ Херсонскую губернію. При этомъ множество людей погибло въ переселеніи отъ голода, унынія и тоски по родинѣ. А на ихъ мѣсто поселился баталіонъ солдатъ, давно отвыкшихъ отъ земледѣлія. Они страшно бѣдствовали.

Зато настроили великолѣпныхъ зданій для штабовъ, провели шоссе, поставили для поселенныхъ солдатъ щегольскіе домики. Но луга и пастбища оказались при этомъ такъ далеко, что скотъ приходилъ на пастбища совершенно изнуренный. Выписали дорогой заграничный скотъ, когда луга не были еще нарѣзаны, и скотина падала отъ голода и вредныхъ болотныхъ паровъ.

Не болѣе толка было и въ постройкахъ: „Начали строить дома,—разсказываетъ Мартосъ.— Бухмейеръ былъ главнымъ строителемъ, хотя въ архитектурѣ смыслилъ столько же, какъ и татарскій мурза. Начали громоздить дома, сдѣлали проходныя сѣни, раздѣляющія связь на два жилья; по бокамъ—избу для хозяина въ три квадратныхъ сажени, рядомъ комнату для постояльцевъ не болѣе трехъ шаговъ длины. А какъ поставили печки, такъ и повернуться негдѣ. Все это не мѣшало снаружи дать симметрію, посыпать бульваръ. Даже на заслонкахъ изображены купидончики, которые, играючи, коронуютъ себя вѣночками; другіе малютки изъ чугуна пускаютъ мыльные пузырики. Подлинно, что пустили мужикамъ мыльные пузыри...“

А вотъ какъ описываетъ благоустройство воен-

ныхъ поселеній другой очевидецъ, Маевскій:

„Все, что составляетъ наружность, плѣняетъ глазъ до восхищенія. Все, что составляетъ внутренность, говоритъ о безпорядкѣ. Чистота и опрятность есть первая добродѣтель въ этомъ поселеніи. Но представьте огромный домъ съ мезониномъ, въ которомъ мерзнутъ люди и пища. Представьте сжатое помѣщеніе, смѣшеніе половъ безъ раздѣленія. Представьте, что корова содержится, какъ ружье, а кормъ въ полѣ получается за 12 верстъ... Въ этомъ поселеніи—повивальныя бабки, родильныя ванны, носилки, отхожія мѣста—все царскія. Въ больницѣ полы доведены до паркетовъ, но больные не смѣютъ прикасаться къ нимъ, чтобы не замарать, и, вмѣсто того, чтобы выходить черезъ дверь, прямо прыгаютъ съ кровати въ окно. У каждаго поселеннаго полка—богатая мебель и серебряный сервизъ. Но мебель хранится, какъ драгоцѣнность, и на ней никто не смѣетъ сидѣть. То же и съ офицерами: они не смѣютъ ни ходить, ни сидѣть, чтобы не обтереть и не замарать того, что дано имъ для употребленія“.

Наводя внѣшній лоскъ, Аракчеевъ писалъ государю письма о необыкновенномъ благополучіи крестьянъ, преобразованныхъ въ солдаты.

„Касательно обмундированія дѣтей, — пишетъ онъ въ одномъ письмѣ,—то на нихъ я любовался: они стараются поскорѣе окончить свои работы, а возвратясь домой, вычистятъ и подтянутъ свои платья и немедленно гуляютъ кучами изъ одной деревни въ другую, а когда съ кѣмъ повстрѣча-

ются, то становятся сами уже во фрунтъ и снимаютъ шапки“... „Всеподданнѣйше доношу Вашему Величеству, что всѣ годные на службу люди въ Высоцкой волости обмундированы и работаютъ уже въ мундирахъ. Сіе окончено столь тихо и успѣшно, что я и самъ не ожидалъ. Многое число жителей уже остригли бороды, а другіе и выбрили, говоря, что непристойно уже въ мундирѣ быть въ бородѣ“.

По этимъ донесеніямъ можно было бы думать, что крестьяне были въ полномъ удовольствіи. Ничего подобнаго, однако, не было и не могло быть. Несчастныхъ поселенныхъ солдатъ буквально замучивали работой. Полдня шла непрерывная аракчеевская маршировка, полдня шли хозяйственныя работы. Въ результатѣ народъ изнурялся и выбивался изъ послѣднихъ силъ. Свирѣпствовали болѣзни: лихорадки, поносы, цынга, куриная слѣпота. Солдаты возвращались съ работъ съ пѣснями— для начальства, а ночью по всему благоустроенному лагерю слышалось оханье и стоны.

Вся система фронтового обученія была основана на истязаніяхъ и побояхъ. За всякую оплошность били, прогоняли сквозь строй, заколачивали на смерть. Жестокость Аракчеева въ военныхъ поселеніяхъ была поистинѣ неописуема. Фронтовая служба была подлинной каторгой, и ни отдыха, ни передышки отъ этой каторги не было. Отмаршировавъ положенное число часовъ, мужикъ возвращался домой, но и здѣсь онъ не переставалъ

быть солдатомъ, ни на минуту не выходилъ изъ-подъ бдительнаго надзора начальства.

Все дѣлалось по приказу и по расписанію. Дѣти военныхъ поселянъ зависили отъ начальства, а не отъ родителей. Дѣвушки выдавались замужъ по приказу начальства. Полевыя работы велись тоже по приказу, а такъ какъ большинство начальниковъ ничего не смыслили въ сельскомъ хозяйствѣ, то хлѣбъ то и дѣло осыпался или гнилъ. сѣно тоже гнило. Военные поселяне голодали, умирали подъ шпицрутенами, бѣжали. Все было напрасно: Угрюмъ-Бурчеевскій бредъ продолжалъ развиваться.

Однажды крестьяне не вытерпѣли: сложили деньги и нарядили четырехъ депутатовъ съ жалобой къ государю. Но отъ Аракчеева трудно было скрыть что нибудь. Депутатовъ перехватили и посадили въ яму.

Зато при объѣздѣ военныхъ поселеній императоромъ Александромъ все сіяло довольствомъ и благополучіемъ. Входя въ обѣденное время въ разные дома, императоръ находилъ у каждаго поселенца на столѣ жаренаго поросенка и гуся. Гусь былъ одинъ и поросенокъ одинъ. Государя обманывали безсовѣстнѣйшимъ образомъ. Гусь съ поросенкомъ были переносимы по задворкамъ изъ дома въ домъ по мѣрѣ того, какъ государь переходилъ отъ одного поселенца къ другому. Разумѣется, ни пустыхъ щей, ни побитыхъ спинъ государю не показывали. Конечно, вся эта грубая фальсификація дѣлалась съ вѣдома Аракчеева.

„Аракчеевъ, — писалъ Брадке,—очень хоро

сознавалъ истинное положеніе дѣлъ въ военныхъ поселеніяхъ, но не желалъ его видѣть: это была игрушка, подносимая имъ государю въ видѣ важнаго дѣла, и при этомъ не останавливались передъ тѣмъ, что она стоила милліоны и дѣлала несчастными милліоны людей?»

Читатель уже знакомъ съ безпощадной жестокостью Аракчеева. Но во всемъ своемъ ужасающемъ блескѣ она проявилась только въ этихъ военныхъ поселеніяхъ. Розги и шпицрутены свозились сюда цѣлыми возами, и ежедневно шли кровавыя расправы надъ несчастнымъ народомъ.

Жестокость Аракчеева проявлялась не только по отношенію къ поселеннымъ солдатамъ. Едва ли менѣе отъ нея страдали и офицеры. Требованія къ нимъ Аракчеева доходили до изысканнаго истязанія. Однажды штабъ офицеръ сдѣлалъ какое то маловажное упущеніе по службѣ и со слезами на глазахъ объяснялъ его внезапной смертью жены.

— Какое мнѣ дѣло до твоей жены? — грубо закричалъ Аракчеевъ.

Другой офицеръ былъ тяжело боленъ, и только что началъ подыматься съ постели, когда Аракчеевъ приказалъ ему явиться. Изнуренный продолжительной болѣзнью, офицеръ не могъ подняться по лѣстницѣ къ своему страшному начальнику. Объ этомъ доложили Аракчееву.

— Если онъ сейчасъ не явится, — сказалъ Аракчеевъ, — я его запру въ казематъ.

И бѣдняга съ нечеловѣческими усиліями долженъ былъ вползти на лѣстницу.

— Что дѣлать?—объяснялъ онъ потомъ Брадке, записавшему этотъ случай: въ казематѣ мнѣ было бы еще хуже.

Самъ Брадке заболѣлъ однажды нервной горячкой. Едва онъ началъ оправляться, Аракчеевъ сталъ заваливать его сверхсильной работой, вслѣдствіе чего у Брадке на всю жизнь остались тяжелыя нервныя страданія.

Въ воспоминаніяхъ Гриббе разсказывается интересная исторія нѣкоего Ефимова, характеризующая ту же жестокость и низость Аракчеева.

Ефимовъ, неграмотный, грубый, неотесанный офицеръ выдвинулся въ военныхъ поселеніяхъ, какъ самый ревностный „аракчеевецъ“. Завоевавъ безчеловѣчными истязаніями солдатъ великую милость своего начальника, онъ дослужился до ротнаго командира. Для солдатъ онъ былъ истиннымъ бичемъ Божіимъ, а Аракчеевъ именно за это не чаялъ въ немъ души.

Но вдругъ Ефимовъ жестоко проворовался. За нимъ открылись такія злоупотребленія по хозяйственной части, что скрыть и замять ихъ было невозможно. Ефимовъ былъ преданъ суду и разжалованъ въ рядовые.

Этотъ неожиданный ударъ вызвалъ глубокій переворотъ въ душѣ аракчеевскаго служаки. Онъ вдругъ сдѣлался другимъ человѣкомъ. Вся его суровость исчезла. Изъ грознаго палача онъ сдѣлася истиннымъ другомъ солдата, во всемъ помогалъ кому только могъ. И настолько искренно и глубоко было это почти чудесное нравственное пе-

перерожденіе, что солдаты, еще такъ недавно ненавидѣвшіе Ефимова, сердечно полюбили его теперь за кротость и готовность самоотверженно служить всѣмъ.

Аракчеевъ замѣтилъ и перерожденіе Ефимова и общую любовь къ нему. Въ глазахъ страшнаго временщика это было хуже всякаго воровства и преступленія. Онъ возненавидѣлъ Ефимова и сталъ искать случая, чтобы покончить съ нимъ.

Въ началѣ 1825 года въ бывшей Ефимовской ротѣ произошло рѣзкое столкновеніе солдатъ съ командиромъ полка Фрикеномъ. Ефимовъ не имѣлъ никакого отношенія къ этой исторіи. Но именно его немедленно объявили главнымъ виновникомъ происшествія. Аракчеевъ велѣлъ заковать его въ кандалы и самъ явился полюбоваться униженіемъ своего бывшаго любимца.

Пока руки Ефимова были свободны, Аракчеевъ стоялъ поодаль и смотрѣлъ на него спокойно. Но съ послѣднимъ ударомъ молотка о кандалы, онъ вдругъ подскочилъ къ закованнаму Ефимову и ударилъ его по шеѣ съ такой силой, что несчастный грохнулся о землю. „Въ этой отвратительной сценѣ,—говоритъ А. А. Кизеветтеръ,—сказалась вся душа Аракчеева: онъ былъ храбръ только съ безоружными и связанными противниками".

Мучительства, производившіяся надъ несчастными военными поселянами, вызвали, наконецъ, открытый бунтъ.

Въ августѣ 1819 года вспыхнулъ бунтъ въ Чу-

гуевскомъ военномъ поселеніи. Немедленно былъ наряженъ военный судъ, и Аракчеевъ лично явился для кровавой расправы. О томъ, какова была эта расправа, можно судить по собственному письму Аракчеева къ императору Александру. Чтобы смягчить впечатлѣніе расправы, Аракчеевъ пустился въ религіозныя разсужденія о несовершенствѣ человѣческой природы.

„...о разнымъ собственнымъ моимъ о семъ днемъ и ночью разсужденіямъ,—писалъ Аракчеевъ,—съ призываніемъ на помощь всемогущаго Бога, я видѣлъ, съ одной стороны, что нужна рѣшимость и скорое дѣйствіе. А съ другой,—слыша ихъ злобу единственно на меня,—какъ христіанинъ, останавливался въ собственномъ дѣйствіи, полагая, что оное, можетъ быть, по несовершенству человѣческаго творенія, признаться можетъ строгимъ или ...ымъ за покушеніе на мою жизнь“.

За этимъ благочестивымъ предисловіемъ слѣдуетъ описаніе самой кровавой экзекуціи.

„Приговорено къ лишенію живота 275 преступниковъ. Я далъ предписаніе о наказаніи ихъ шпицрутенами, каждаго черезъ тысячу человѣкъ по двѣнадцать разъ. Опредѣленное наказаніе произведено въ Чугуевѣ 18 августа, и къ оному были приведены изъ Волчанска всѣ арестанты и изъ Зміева главнѣйшіе бунтовщики. Ожесточеніе преступниковъ было до такой степени, что изъ сорока (только) трое, раскаявшись въ своемъ преступленіи, просили помилованія; они на мѣстѣ же прощены, прочіе 37 наказаны. Но сіе наказаніе

не подѣйствовало на остальныхъ арестантовъ, приономъ бывшихъ, хотя оно было строго и примѣрно, ибо пѣхотные солдаты, по неудовольствію своему на чугуевцевъ за ихъ возмущеніе, сильно ихъ наказывали".

Легко представить себѣ, каково жилось этимъ военнымъ поселянамъ, если они добровольно предпочли смерть подъ палками прощенію и возвращенію къ прежней жизни.

Въ заключеніе Аракчеевъ пролилъ въ письмѣ къ императору нѣсколько крокодиловыхъ слезъ:

„Происшествія, здѣсь бывшія, очень меня разстроили. Я не скрываю отъ васъ, что нѣсколько преступниковъ, самыхъ злыхъ, послѣ наказанія, закономъ опредѣленнаго, умерли. И я отъ всего онаго начинаю очень уставать, въ чемъ я откровенно признаюсь передъ вами"...

И замѣчательно, что Александръ, въ глубинѣ души считавшій Аракчеева „мерзавцемъ", нашелъ возможнымъ отвѣтить ему на всеподданѣйшее донесеніе слѣдующими утѣшительными строками:

„Съ одной стороны могъ я въ надлежащей силѣ цѣнить все, что твоя чувствительная душа должна была претерпѣть въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ ты находился. Съ другой, умѣю я также и цѣнить благоразуміе, съ какимъ ты дѣйствовалъ въ сихъ важныхъ происшествіяхъ. Благодарю тебя искренно отъ чистаго сердца, за всѣ твои труды".

Намъ думается, что фигура Аракчеева, какъ государственнаго дѣятеля, теперь совершенно ясна

читателю. Поэтому оставимъ его государственные подвиги и снова вернемся въ его частную жизнь, въ Грузино, гдѣ господствовала Настасья Ѳедоровна Минкина. Мы еще не видѣли Аракчеева у себя дома.

IX.

Богатое, великолѣпное имѣніе Аракчеева Грузино было расположено въ живописной мѣстности, на самомъ берегу Волхова. Огромный барскій домъ и величественный, богато украшенный соборъ противъ него были главными зданіями здѣсь. Между домомъ и соборомъ, на разстояніи почти четверти версты, непрерывной линіей тянулись домики для пріѣзжихъ гостей. Надъ Волховымъ, по высокому берегу, былъ разбитъ чудесный паркъ, откуда разстилался очаровательный видъ на далекія окрестности Грузина. На Волховѣ стояла цѣлая флотилія судовъ, большею частью подаренныхъ Аракчееву государемъ.

Все это, вмѣстѣ взятое, придавало Аракчеевскому имѣнію видъ почти царской резиденціи.

Доходъ съ имѣнія исчислялся въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей.

У себя дома Аракчеевъ любилъ разыгрывать роль гостепріимнаго и радушнаго хозяина. Но эта роль плохо удавалась ему, и виною въ этомъ была фантастическая, баснословная скупость временщика. Объ этой скупости сохранилось множество разсказовъ. Обѣденный столъ Аракчеева былъ въ общемъ хорошъ, но порціи не должны были превы-

шать извѣстной мѣры; такъ, напримѣръ, куски жаренаго или котлеты были опредѣлены по числу гостей. И горе тому, кто возьметъ двѣ котлеты или два куска: онъ могъ расчитывать на долгое преслѣдованіе со стороны графа.

Однажды Аракчеевъ пригласилъ въ Грузино нѣсколькихъ своихъ подчиненныхъ—офицеровъ изъ военныхъ поселеній. „Пріѣхавъ туда вечеромъ,— разсказываетъ одинъ изъ приглашеныхъ,—мы были тотчасъ отведены полиціймейстеромъ въ назначенные для насъ номера, которыхъ въ особыхъ флигеляхъ находилось нѣсколько десятковъ. Намъ подали чаю, но съ такимъ скудно-опредѣленнымъ количествомъ бѣлаго хлѣба, что мы никакъ не могли имъ насытиться, и просили добавленія. Слуга вернулся черезъ нѣсколько времени съ извиненіемъ что онъ не могъ нигдѣ отыскать графа, и мы тогда узнали, что поданная намъ порція хлѣба опредѣляется имъ самимъ для каждаго гостя и не можетъ быть увеличена безъ его соизволенія“. Офицеры легли спать голодными, и только на другой день получили приглашеніе къ завтраку въ 12 часовъ.

Вся жизнь Аракчеева была проникнута скупостью, скряжничествомъ. За обѣдомъ, ради экономіи, вмѣсто жаренаго чаще всего подавали соленую телятину, вмѣсто дессерта —гречневую кашу съ сахаромъ. Рюмки для вина были самыхъ крошечныхъ размѣровъ. Гриббе разсказываетъ о скупости Аракчеева такой эпизодъ:

На Пасху, на Рождество и въ день своихъ именинъ Аракчеевъ давалъ обѣдъ гренадерамъ своего полка. На обѣдъ отъ каждой роты назначалось по одному унтеръ-офицеру и рядовому. Несчастные солдаты всѣми силами старались отдѣлаться отъ графскаго угощенія, которое было сущимъ мученьемъ. Въ столовой гренадеры выстраивались въ шеренгу. Въ присутствіи хозяина, лакей въ парадной ливреѣ вносилъ подносъ, на которомъ стоялъ маленькій графинъ съ водкой и рюмка синяго стекла величиной въ наперстокъ. Гренадеры, со страхомъ, неловко брали эту рюмку, дрожащей рукой наливали въ нее изъ графинчика и, выпивъ нѣсколько капель, удивленно смотрѣли другъ на друга и на лакея. Затѣмъ слѣдовали щи съ кислой капустой и каша, и пиръ заканчивался этимъ. Оффиціантъ обносилъ подносъ съ бумажными, продолговатыми свертками, и каждый изъ гостей бралъ по свертку. Въ сверткѣ заключалось десять мѣдныхъ пятаковъ. Такимъ образомъ въ день своего тезоименитства первый вельможа въ государствѣ графъ Аракчеевъ дарилъ своему полку шестнадцать цѣлковыхъ и угощалъ тридцать депутатовъ отъ своего полка щами изъ кислой капусты.

Положеніе Аракчеевскихъ крестьянъ было ужасно, благодаря той же скупости и жестокости Аракчеева. Ради внѣшняго порядка, на которомъ онъ былъ помѣшанъ, Аракчеевъ провелъ въ разныхъ направленіяхъ по всей грузинской вотчинѣ шоссей-

ныя дороги. Но по этимъ дорогамъ ѣздить строго воспрещалось. У каждой деревни при въѣздѣ и выѣздѣ шоссе запиралось тяжелыми чугунными воротами, ключи отъ которыхъ хранились въ домѣ Аракчеева.

Крестьянъ одолѣвали штрафы за всякія мелочи въ которыхъ Аракчеевъ былъ изобрѣтателенъ до крайности. Были даже установлены штрафы на бабъ за безплодіе. Каждая баба обязана была непремѣнно рожать ежегодно сына. При всей идіотской дикости этого Аракчеевскаго закона, — онъ остается, однако, фактомъ. Бабы должны были рожать каждый годъ мальчиковъ. За рожденіе дѣвочки на бабу налагался штрафъ. За мертваго ребенка или за выкидышъ полагался штрафъ болѣе крупный. Но всего хуже было, если какая нибудь баба осмѣливалась не забеременѣть вовсе: на такихъ явныхъ преступницъ накладывался сугубый штрафъ, и кромѣ того онѣ обязывались представлять графу по десяти аршинъ точива (холста).

При всякомъ удобномъ случаѣ Аракчеевъ обирал своихъ людей. Однажды императоръ Александръ, погостивъ въ Грузинѣ, пожаловалъ дворовымъ людямъ 1000 рублей. Аракчеевъ, съ обычной своей пунктуальностью, отмѣтилъ въ описаніи царскаго визита: „церковному старостѣ не выдается за вину, что разбилъ лампу“...

Но еще страшнѣе штрафовъ были для аракчеевскихъ крестьянъ наказанія, которымъ ихъ подвер-

гали за всякую малость. Назначая дворовымъ людямъ наказанія, Аракчеевъ любилъ послѣ экзекуціи осматривать ихъ израненныя спины И горе было тѣмъ, у кого, по его мнѣнію, оказывалось недостаточно кровавыхъ знаковъ. Случалось, что дворовые, отправляясь послѣ наказанія на смотръ къ графу, рѣзали цыплятъ и намазывали ихъ кровью свои рубцы, чтобы графъ остался доволенъ.

Замѣчательно, что отецъ Аракчеева, мелкопомѣстный дворянинъ, былъ по натурѣ полной противоположностью своему страшному сыну. Это былъ добрый, привязанный къ своимъ слугамъ баринъ. Когда умеръ одинъ изъ его слугъ, Василій, баринъ провожалъ его гробъ до могилы, плакалъ, какъ ребенокъ, а сына покойнаго взялъ себѣ въ домъ. Мальчика воспитывали съ хозяйскимъ сыномъ—будущимъ временщикомъ. Даже мыли ихъ въ одномъ корытѣ.

И этотъ товарищъ ранняго младенчества сдѣлался впослѣдствіи камердинеромъ страшнаго временщика и всю жизнь терпѣлъ отъ него ужасающія истязанія. Аракчеевъ находилъ особенное удовольствіе въ истязаніи друга своего дѣтства: онъ билъ его походя, сѣвъ, давалъ пощечины. Несчастный, наконецъ, не вытерпѣлъ. Онъ упалъ передъ Аракчеевымъ на колѣни и умолялъ не мучить его болѣе, а лучше сослать въ Сибирь.

— Въ Сибирь,—отвѣчалъ Аракчеевъ,—не сошлю. А самъ забью.

Система наказаній въ Грузинской вотчинѣ была

чрезвычайно многосложна и распредѣлена по степенямъ. Наказаніямъ у него подвергались даже дѣти. Взрослыхъ графъ часто наказывалъ ссылкой на кирпичные заводы, оставляя ихъ семьи безъ куска хлѣба. На женщинъ и дѣтей надѣвали рогатки и въ такомъ видѣ заставляли молиться въ соборѣ. Въ Грузинѣ въ графскомъ арсеналѣ всегда стояли кадки съ разсоломъ, въ которомъ мокли розги и палки. За первую вину сѣкли на конюшнѣ, за вторую отправляли виновныхъ въ Преображенскій полкъ, гдѣ ихъ наказывали особыми толстыми палками, получившими названіе „аракчеевскихъ". При третьей винѣ экзекуція совершалась въ домѣ Аракчеева передъ окнами его кабинета; по этому можно лишній разъ судить, какой охотникъ былъ онъ до кровавыхъ зрѣлищъ: именно самыя тяжелыя наказанія должны были непремѣнно производиться на его глазахъ. Для производства экзекуціи призывались солдаты-палачи изъ Преображенскаго полка. Истязаніямъ подвергались также старики.

Во всемъ этомъ изувѣрскомъ домоправительствѣ огромную роль играла любовница временщика Настасья Ѳедоровна Минкина. Ея жестокость, стяжавшая ей славу Салтычихи, была направлена главнымъ образомъ на женщинъ и дѣвушекъ. Мы видѣли уже, что всю жизнь Настасья не могла освободиться отъ ревнивыхъ тревогъ и опасеній. Зная сластолюбивый нравъ своего возлюбленнаго, она понимала, какую опасность для нея заключало въ себѣ каждое хорошенькое личико, каждый строй-

ный и полный станъ. И горе было всѣмъ красавицамъ, имѣвшимъ несчастіе расцвѣсти въ Аракчеевской усадьбѣ! Красивыя дворовыя дѣвушки выносили страшныя истязанія; какъ будто Настасья стремилась изуродовать ихъ побоями, довести до истощенія, увяданія, болѣзни.

Съ лѣтами ревнивые страхи усиливались, и вмѣстѣ съ ними усиливалась дикая злоба Минкиной ко всѣмъ воображаемымъ соперницамъ. Но и всѣхъ вообще дворовыхъ она мучила постоянно и жестоко. Исправляющій должность полиціймейстера дворовый человѣкъ Синицынъ повѣсился. Дворецкій Стромиловъ зарѣзался. Многіе бѣжали, обрекая себя на вѣчное безпріютное скитальничество.

Конечно, жестокость графской любовницы вызвала среди дворовыхъ страшное ожесточеніе и ненависть. У всѣхъ была одна мысль, одно желаніе—избавиться отъ Настасьи. Но съ годами ея положеніе въ домѣ становилось все болѣе устойчивымъ и прочнымъ: привязанность къ черноокой Настасьѣ было единственнымъ живымъ чувствомъ въ мертвомъ сердцѣ временщика.

Мало по малу въ средѣ измученныхъ истязаніями людей родилась и созрѣла мысль: убить. Убить во что бы то ни стало и чѣмъ бы это ни грозило въ дальнѣйшемъ. Все равно жизни не было, былъ адъ, хуже всякой смерти.

У Настасьи были три комнатныхъ дѣвушки—Татьяна Аникіева, Прасковья Антонова и Ѳедосья Иванова. На нихъ болѣе всего обруши-

вался гнѣвъ и преслѣдованія возлюбленной Аракчеева. Въ концѣ концовъ онѣ рѣшили отравить Настасью, отыскали въ кладовой мышьякъ и съ помощью поваренка Василія Антонова подсыпали его въ соусъ. Но либо ядъ былъ слабъ, либо натура Настасьи слишкомъ могуча. Она поболѣла немного и выздоровѣла.

Дѣвушки были въ отчаяніи. Истязанія возобновились съ новой силой. Дѣвушки и женщины обращались къ деревенскимъ колдунамъ и ворожеямъ, чтобы укратить жестокость домоправительницы,—но и это не помогало. Мать комнатной дѣвушки Прасковьи дала дочери корешки „плакучей травы“. Прасковья потихоньку зашила эти корешки въ тюфякъ Настасьи для того, чтобы умягчить крутость ея нрава. Не помогла и плакунъ-трава, и сердце Аракчеевской домоправительницы не смягчилось. Напротивъ, жестокости все усиливались. Съ особенной яростью Настасья преслѣдовала Прасковью Антонову. Рѣдкая красота дѣвушки не давала покоя ревнивому воображенію Настасьи. Прасковью безъ всякой вины жестоко сѣкли два раза въ день. Дѣвушка переносила побои и только горячо жаловалась своему брату, молодому повару Василію, что житья ей не стало.

И молодой парень задумался и думалъ долго, какъ умѣетъ думать только русскій мужикъ, когда его крѣпко возьметъ за сердце. И мужицкая дума, наконецъ, созрѣла.

6 сентября 1825 года (всего за два съ небольшимъ мѣсяца до смерти императора Александра) Аракчеевъ отправился осматривать военныя поселенія. На другой же день Настасья принялась за обычныя мучительства. Прасковью били сначала розгами, потомъ батогами. Такъ продолжалось нѣсколько дней. Василій все думалъ свою думу.

Въ шестомъ часу утра 10 сентября Прасковья вошла потихоньку въ комнату Настасьи и убѣдилась, что она крѣпко спитъ. Дѣвушка бросилась на кухню и сказала объ этомъ брату. Парень взялъ большой ножъ и отправился вслѣдъ за сестрой, въ спальню домоправительницы.

Она сладко спала крѣпкимъ утреннимъ сномъ. Потихоньку подойдя къ постели, Василій схватилъ ее одной рукой за голову, а другой полоснулъ по горлу. Ударъ не былъ смертеленъ. Настасья проснулась и, обливаясь кровью, вцѣпилась въ своего убійцу: она пронзительно визжала и кричала, но никто въ домѣ не отозвался ни единымъ звукомъ на ея отчаянные вопли.

Василій стащилъ ее съ кровати на полъ и, опьянѣвъ отъ крови, полосовалъ ножомъ по чемъ попало. Видѣвшіе послѣ трупъ Настасьи говорили, что она была убита съ ужаснымъ звѣрствомъ: голова была отхвачена и едва держалась на лоскутѣ кожи; все тѣло было изранено и исколото, ротъ перерѣзанъ, пальцы на рукахъ перерублены. Вся страшная ненависть, скопившаяся

въ мужицкомъ сердцѣ, излилась въ этомъ взрывѣ нечеловѣческой ярости.

Такъ окончила свои дни любовница и фактическая супруга страшнаго временщика.

X.

Въ это время Аракчеевъ находился въ военныхъ поселеніяхъ, верстахъ въ тридцати отъ Грузина. Тотчасъ послѣ убійства, къ нему посланъ былъ верховой. Но посланецъ не рѣшался открыть графу сразу всю правду. Онъ сказалъ то, что говорится въ подобныхъ случаяхъ: что Настасья Ѳедоровна тяжко заболѣла.

Извѣстіе это застало Аракчеева въ самый разгаръ его обычныхъ „занятій“. Онъ только что распорядился посадить инженернаго капитана Семенова на гауптвахту, за рѣшетку, вмѣстѣ съ арестованными нижними чинами. Операцію эту онъ продѣлалъ лично и только что положилъ ключи себѣ въ карманъ, какъ къ нему подошелъ полковой командиръ фонъ-Фрикенъ и передалъ Аракчееву извѣстіе, привезенное грузинскимъ посланцемъ, о сильной болѣзни Настасьи Ѳедоровны. Аракчеевъ вздрогнулъ и вдругъ... расплакался. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что за всю его темную, жестокую, ужасную жизнь, это были первыя искреннія слезы. Онъ любилъ свою Настасью, сосредоточивъ на ней весь запасъ нѣжности, хранившійся въ его звѣриномъ сердцѣ.

Онъ бросилъ все и поскакалъ домой. Съ нимъ

вмѣстѣ въ экипажъ сѣлъ главный докторъ военныхъ поселеній Миллеръ и командиръ полка фонъ-Фрикенъ. Немного не доѣзжая до Грузина, встрѣтили на мосту капитана строительнаго отряда Кафку, который зналъ уже объ убійствѣ Настасьи, но не зналъ, что Аракчееву еще не сказано объ этомъ.

Экипажъ остановился, и Аракчеевъ обратился къ Кафкѣ:

— Что Настасья Ѳедоровна?

— Нѣтъ никакой помощи, ваше сіятельство,— простодушно отвѣчалъ капитанъ: голова осталась только на одной кожицѣ.

Аракчеевъ сразу понялъ, въ чемъ дѣло. Онъ остолбенѣлъ, сталъ блѣденъ, какъ смерть. Нѣсколько секундъ онъ дико смотрѣлъ передъ собой остановившимся взглядомъ и вдругъ заревѣлъ дико, какъ раненый звѣрь, выскочилъ безъ фуражки на землю и, повалившись на траву, сталъ биться въ судорогахъ.

— Убили, убили ее!—кричалъ онъ: убили!.. Такъ убейте же и меня, зарѣжьте меня скорѣй!..

Онъ долго бился и кричалъ, изрыгая страшныя проклятія и богохульства. Видъ его былъ ужасенъ, пѣна клу илась у рта.

Собрался народъ и въ ужасѣ и недоумѣніи смотрѣлъ на своего страшнаго хозяина, не зная, что дѣлать. Докторъ и полковникъ съ большимъ трудомъ усадили, наконецъ, Аракчеева въ коляску и привезли домой. Здѣсь новый ужаснѣйшій приступъ

отчаянія охватилъ этого человѣка, порожавшаго своимъ безчувствіемъ къ чужимъ страданіямъ. Онъ повалился на изуродованный трупъ своей любовницы, рвалъ на себѣ платье, потомъ схватилъ весь упитанный кровью Настасьи платокъ, намоталъ себѣ на шею и сталъ бѣгать по комнатѣ въ какомъ то безумномъ экстатическомъ состояніи.

Болѣе сутокъ онъ не принималъ пищи и былъ совершенно невмѣняеиъ. Этотъ человѣкъ, еще недавно кричавшій подчиненному, опоздавшему на службу изъ-за смерти жены: „какое мнѣ дѣло до твоей жены?“—теперь разомъ забросилъ всѣ дѣла и весь сосредоточился на своемъ личномъ горѣ. Это горе скоро приняло свою настоящую аракчеевскую форму: оно излилось въ ненасытную жажду мести. Здѣсь мы должны сдѣлать маленькое отступленіе.

Въ Россіи, придавленной Аракчеевщиной, начиналось глухое и грозное броженіе. Незадолго до описываемаго событія вспыхнулъ серьезный и опасный бунтъ въ гвардейскомъ Семеновскомъ полку. Но еще опаснѣе было то глубокое общественное недовольство, которое разлилось по Россіи и нашло свое выраженіе въ учрежденія тайныхъ обществъ, подготовившихъ знаменитое возстаніе на Сенатской площади 14 декабря 1825 года. Императоръ Александръ еще не зналъ о тайныхъ обществахъ, но чувствовалъ, что пропасть между нимъ и обществомъ увеличивается со дня на день. Подавляемый развившейся меланхоліей, углублен-

ный въ религіозныя размышленія, онъ все болѣе одалялся отъ государственныхъ дѣлъ, предоставивъ почти все дѣло внутренняго управленія Аракчееву. Только одинъ Аракчеевъ могъ желѣзной рукой смирять общественное недовольство, которое самъ онъ создавалъ болѣе всѣхъ другихъ. Вѣчныя, чувствительныя изъявленія преданности государю со стороны Аракчеева, позволяли императору Александру расчитывать на Аракчеева не только какъ на исполнительнаго министра, но и какъ на самаго надежнаго личнаго тѣлохранителя императора Посмотримъ, насколько Аракчеевъ оправдалъ возлагавшіяся на него надежды.

На третій день послѣ убійства Настасьи Аракчеевъ написалъ государю слѣдующее письмо:

„Батюшка, Ваше Величество!

Случившееся со мной несчастье, потеряніемъ вѣрнаго друга, жившаго у меня въ домѣ 25 лѣтъ, здоровье и разсудокъ мой такъ разстроило и ослабило, что я одной смерти себѣ желаю и ищу, а потому и дѣлами никакими не имѣю силъ и соображенія заниматься. Прощай, батюшка, вспомни бывшаго тебѣ слугу. Друга моего зарѣзали ночью дворовые люди, и я не знаю еще, куда осиротѣвшую свою голову преклоню“.

Это письмо свидѣтельствуетъ, прежде всего, объ удивительномъ малодушіи и эгоизмѣ временщика: въ такое тревожное время, которое онъ самъ въ своей перепискѣ съ государемъ называлъ „бурнымъ“, этотъ „вѣрный слуга“ нашелъ возмож-

нымъ бросить всѣ дѣла, возложенныя на него довѣріемъ его высокаго покровителя.

Онъ самовольно сдалъ всѣ военныя дѣла Эйлеру всѣ гражданскія — Муравьеву, написавъ тому и другому, чтобы всѣ письма и пакеты, поступающіе на его имя, они распечатывали бы сами, а ему чтобы не пересылали ничего. И тому и другому онъ объяснилъ свое распоряженіе одинаково „по случившемуся со мной несчастію“... Эти самовольныя распоряженія были совершенно незаконны, но Аракчеевъ привыкъ считать себя выше всякихъ законовъ.

Дѣйствительно, какъ ни огорченъ былъ Александръ, узнавъ объ этихъ распоряженіяхъ Аракчеера, онъ не только не изъявилъ своего гнѣва но даже написалъ своему старому слугѣ письмо, вполнѣ рисующее ту степень близости и довѣрія, на которой въ эту пору стоялъ всемогущій временщикѣ.

„Заклинаю тебя всѣмъ, что есть святого,—писалъ императоръ,—вспомни отечество, сколь служба твоя ему полезна и, могу сказать, необходима, а съ отечествомъ и я неразлученъ. Ты мнѣ необходимъ. Я далекъ отъ того, чтобы желать отъ тебя продолженія трудовъ твоихъ въ первое время твоей грусти. Дай себѣ все нужное время на нѣкоторое успокоеніе душевныхъ и тѣлесныхъ силъ твоихъ. Вспомни, сколь много тобою произведено и сколь требуетъ все оное довершенія... Любезный другъ, жаль мнѣ выше всякаго изреченія твоего чувстви-

тельнаго сердца. Я представляю, что оно должно чувствовать, и скорблю съ нимъ искренно.

Не довольствуясь личными утѣшеніями, императоръ написалъ письмо извѣстному въ то время архимандриту Фотію, съ просьбой поддержать и утѣшить Аракчеева. Кромѣ того, Александръ звалъ Аракчеева къ себѣ, въ Таганрогъ, говоря что Аракчеевъ необходимъ ему. Аракчеевъ отказался поѣхать, говоря, что ему теперь необходимы „уединеніе и церковь".

Его „чувствительная душа" искала иныхъ утѣшеній. Началось судебное слѣдствіе надъ дворовыми. Разсказы объ этомъ дѣлѣ напоминаютъ древніе застѣнки съ пытками и истязаніями. Почти вся дворня графа попала подъ слѣдствіе— 24 человѣка. Злобѣ Аракчеева не было предѣловъ. Ходомъ слѣдствія заправлялъ преданный графу Клейнмихель. Онъ оказалъ нужное давленіе на новгородскаго губернатора Жеребцова, который и самъ былъ не болѣе какъ жалкою креатурой Аракчеева. Все дѣло было представлено въ кривомъ и невѣрномъ видѣ. Выходило, будто не строгость и жестокость Минкиной вызвала ужасную расправу, а какія-то стороннія „политическія" причины. Производившіе слѣдствіе и судьи сдѣлали все, чтобы угодить мстительному временщику. Приговоръ былъ самый безпощадный.

Одинъ изъ невольныхъ свидѣтелей казни надъ убійцами Аракчеевской любовницы, А. К. Гриббе,— оставилъ описаніе этого ужаснаго зрѣлища:

„Мщеніе Аракчеева убійцамъ,—говоритъ этотъ очевидецъ,—было безпощадно. Цѣлыя рѣки крови пролиты были въ память погибшей графской любовницы, въ назиданіе дворовыхъ и крестьянъ чуть-ли не всей Новгородской губерніи... Къ этому времени въ Грузино вызвана была рота солдатъ Аракчеевскаго полка, которая была приведена на военное положеніе. Мѣстомъ казни была избрана поляна по дорогѣ въ Грузино.

„Въ девять часовъ утра рота вышла изъ квартиръ и оцѣпила лобное мѣсто. Сзади цѣпи солдатъ стояли собранные почти со всего селенія крестьяне съ женами и дѣтьми, всего около четырехъ тысячъ человѣкъ. Посрединѣ оцѣпленнаго пространства врытъ былъ станокъ, по обѣимъ сторонамъ котораго, по случаю холоднаго времени, горѣли огни, а около нихъ прогуливались въ ожиданіи дѣла заплечные мастера, то и дѣло прикладывавшіеся къ огромной бутыли съ водкой, поставленной со стаканомъ около станка. Распорядители казнью нашли, вѣроятно, необходимымъ обезпечить сердце палачей отъ опасности воспламениться тою искрою, которая зовется человѣчностью, и хотѣли залить въ нихъ виномъ всякое чувство состраданія къ несчастнымъ преступникамъ Но даже самъ убійца заслуживалъ несравненно большаго участія, чѣмъ всѣ эти клевреты Аракчеева, проливавшіе горькія слезы о погибшей женщинѣ-варварѣ“.

„Мнѣ, невольному свидѣтелю казни,—заканчи-

ваетъ А. К. Гриббе,—при воспоминаніи объ этой трагедіи, и теперь еще слышатся рѣзкіе свистящіе звуки ударовъ кнута, страшные стоны и крики истязуемыхъ и какой-то глухой, подавленный вздохъ тысячной толпы народа, въ назиданіе котораго совершались эти наказанія.“

Убійца Василій Антоновъ и сестра его красавица Прасковья умерли на мѣстѣ. Кто выжилъ, былъ сосланъ въ вѣчную каторгу. Такую тризну по возлюбленной справляло „чувствительное“ аракчеевское сердце, нуждавшееся въ уединеніи и церкви. Но здѣсь умѣстно упомянуть о томъ поистинѣ изумительномъ эпизодѣ, который окончательно рисуетъ фигуру временщика.

Какъ разъ передъ убійствомъ Минкиной нѣкій Шервудъ, обрусѣвшій англичанинъ, подробно донесъ Аракчееву о существованіи тайнаго общества (будущихъ декабристовъ), ставившаго своею цѣлью низверженіе династіи и установленіе въ Россіи демократическаго строя. Доноситель просилъ немедленно выслать къ нему въ Харьковъ кого нибудь для принятія рѣшительныхъ мѣръ къ открытію заговора. Немало дней прошло со дня отсылки Шервудомъ доноса, но отвѣта на него не было. Даже извѣстіе о личной опасности, грозившей императору Александру, не побудило Аракчеева вспомнить о тѣхъ увѣреніяхъ въ безраздѣльной преданности „батюшкѣ—государю“, которыя онъ такъ льстиво расточалъ въ глаза и въ письмахъ Александру (А. Кизеветтеръ). Въ

этотъ дѣйствительно критическій моментъ для Александра, Аракчеевъ поставилъ свое личное горе выше заботы о безапасности императора и ничего не сдѣлалъ, чтобы ускорить производство слѣдствія по доносу Шервуда. „Не будь этого промедленія,—писалъ впослѣдствіи самъ Шервудъ,—никогда бы возмущеніе 14 декабря не случилось: затѣявшіе бунтъ были бы заблаговременно арестованы“. Шервудъ къ этому прибавляетъ: „Не знаю, чему приписать, что такой государственный человѣкъ, какъ графъ Аракчеевъ, которому столько оказано благодѣяній императоромъ Александромъ I, пренебрегъ опасностью, въ которой находилась жизнь государя и спокойствіе государства, для пьяной, толстой, необразованной, дурного поведенія женщины: есть надъ чѣмъ задуматься“...

Смерть императора Александра, почти совпавшая по времени съ убійствомъ возлюбленной Аракчеева, сдѣлала временщика конченнымъ человѣкомъ. Его карьера была завершена. Императоръ Николай не пожелалъ приблизить его къ себѣ. Удалившись въ свое Грузинское помѣстье, бывшій временщикъ угрюмо доживалъ свой вѣкъ, окруженный общей единодушной ненавистью.

Мрачны и безрадостны были послѣдніе годы этой отвратительной жизни. Повидимому, нечистая совѣсть мучила его, бывшаго столько лѣтъ палачомъ Россіи. Онъ вѣчно дрожалъ за свою безопасность, рѣдко спалъ двѣ ночи подрядъ въ одной комнатѣ; обѣдъ ему приготовлялся самыми довѣ-

ренными людьми, при чемъ домашній докторъ долженъ былъ предварительно отвѣдывать каждое кушанье.

Его мучилъ вѣчный темный страхъ. Однажды, когда онъ сидѣлъ, запершись въ своемъ имѣньи, ему доложили, что вдали по дорогѣ показались быстро скачущія тройки. Онъ поблѣднѣлъ, какъ смерть, схватилъ свою завѣтную шкатулку, кинулся въ экипажъ, всегда стоявшій на готовѣ, и понесся во весь духъ. Онъ скакалъ безъ передышки весь день, переночевалъ у какого то помѣщика, перепугавъ его своимъ внезапнымъ появленіемъ, и на утро понесся снова. Доскакавъ до Новгорода, онъ примчался къ дому вице-губернатора и только здѣсь пришелъ въ себя. Что же оказалось? Мимо грузинскаго дома ѣхали съ праздника мѣстные священники, которымъ попались рѣзвыя лошади.

Смерть его была тяжела. Вся его трусость, все безсиліе этой жестокой души обнаружились въ послѣднія минуты его жизни. Онъ выказалъ самый малодушный страхъ передъ смертью и цѣплялся за жизнь съ безграничнымъ ужасомъ и тоской.

Аракчеевъ умеръ въ 1834 году, оставивъ по себѣ черную и незабываемую память.

Источники:

Н. К. Шильдеръ. Императоръ Александръ I, тт 1 и IV.

А. А. Кизеветтеръ. Императоръ Александръ I и Аракчеевъ.

П. Карцевъ. О военныхъ поселеніяхъ при гр Аракчеевѣ.

Н. Ѳ. Минкина—„Русская Старина“ 1884, III.

Записки Е. Ѳ. фонъ-Брадке—„Русскій Архивъ“ 1875, I.

Записки И. С. Жиркевича — „Русская Старина“ 1874, II.

